

КАРЕН
МАК

ЛЮБОВНИЦА
ФРЕЙДА

ИСТОРИЯ ДОКТОРА ФРЕЙДА,
ОСНОВАННАЯ НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ

ДЖЕННИФЕР
КАУФМАН

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР ЧИТАЕТ ВСЬ МИР

**Карен Мак
Дженнифер Кауфман
Любовница Фрейда**
Серия «Интеллектуальный бестселлер»

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6666073
Карен Мак, Дженнифер Кауфман. *Любовница Фрейда*: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-70044-8*

Аннотация

Эта история основана, как утверждают авторы, на реальных событиях. Когда в 1972 г. дочь Зигмунда Фрейда передала личную переписку отца в библиотеку Конгресса, выяснилось, что в жизни знаменитого психоаналитика была тайна. И конечно, она была связана с женщиной.

Итак, Вена, конец XIX века. Доктор Зигмунд Фрейд еще мало кому известен, а его теория подвергается насмешкам коллег. Личная жизнь Фрейда тоже безрадостна – с женой Мартой ему давно не о чем говорить.

Но как же тогда неоспоримые свидетельства, что Фрейд и его супруга вместе посещали фешенебельный швейцарский курорт и выглядели как счастливая и довольная жизнью и друг другом пара?

Не является ли это отголоском той самой тайны, которую обнаружили исследователи в письмах Фрейда?

И кто была та женщина, с которой доктор Фрейд был так счастлив?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	38
Глава 9	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Карен Мак, Дженнифер Кауфман

Любовница Фрейда

Глава 1

Вена, 1895 год

Сезон самоубийств открыт.

Молодая женщина села за письменный стол у окна и обмакнула перо в черные чернила. Перо скребло бумагу, как вороний коготь. За окном висело пепельно-серое небо. С начала ноября стылый воздух пронизывал до костей, и вся ширь Дуная была устлана заплатками льда. Скоро река насквозь промерзнет и встанет до весны. Вот только на прошлой неделе в журнале «Салонблатт» писали о богатой молодой аристократке, которая в подвенечном платье и фате прыгнула на лошади с моста Кронпринца Рудольфа. Красивая кобыла камнем пошла на дно, а тело женщины вынесло на берег, окутанное белым атласным саваном.

Молодая женщина за письменным столом никогда не думала, что дойдет до такой крайности, но сейчас уповала на милосердие сестры, моля о помощи. Она закончила письмо на рассвете, когда перезвон на колокольне Святого Стефана разнесся по всему городу, запечатала конверт и положила его в почтовый ящик за дверь. Еще не раз она вспомнит этот день. Так все и началось.

Двумя днями ранее

С неба сыпал мокрый снег, но женщина бежала по бульвару без пальто и шляпы. В руках у нее был сверток, закутанный в грубые колючие одеяла, ноша сковывала движения, заставляя переваливаться с ноги на ногу. Пряди длинных мокрых волос залепляли глаза и рот, и каждые несколько минут женщине приходилось останавливаться, прижав сверток одной рукой к бедру, чтобы другой смахнуть снег с лица.

Женщина пересекла Рингштрассе – широкий, обсаженный деревьями проспект, окольцовывающий Вену, потом миновала массивные доходные дома, фасады которых отбрасывали тусклые тени на булыжную мостовую.

Непогода все усиливалась, дождь лил как из ведра. Слепленная дождем, она упорно шла, шлепая прямо по лужам ботинками из хорошей кожи, минуя Шварценбергплац – невидимую границу между аристократией и всеми прочими. Поблизости сиял веселыми огнями ряд роскошных особняков.

Чуть раньше, в спешке, женщина не озаботилась сбегать наверх и захватить шерстяное пальто и перчатки и теперь горько жалела о своей опрометчивости. Она промерзла до костей. «Идиотка, – думала она, – и ботинки испортила».

Женщина замедлила шаг и, проскользнув в железные ворота резиденции баронессы, направилась к черному ходу. Она позвонила в ночной колокольчик, громко постучала, чертыхаясь вполголоса и раскачиваясь от нетерпения. «Да открывайте же эту чертову дверь!» У нее вдруг тупо заныло в боку под налетевшим порывом ветра, пытавшегося лишить ее равновесия. Она перекинула груз через плечо, пальцы, барабанившие в дверь, дрожали.

Когда ночная служанка наконец появилась, Минна яростно пронеслась мимо нее. «Сколько же ты копалась», – подумала она, но вслух небрежно пробормотала: «Добрый вечер» – и стала спускаться по тускло освещенной лестнице в подвал – на кухню. Минна осторожно положила сверток на лежанку около «зверюги» – громадной черной печи у судомойни.

Больное, сонное дитя выползло из-под одеяла и сидело молча, пока Минна подвигала койку ближе к печи, поправляла матрас и устраивала ребенка поудобнее под тлеющей свечой, посверкивающей на деревянной полке.

– Фройляйн Бернайс, вас зовут наверх. Госпожа звонит уже более часа, – произнесла ночная служанка, поправляя накрахмаленный чепец. – Вы уходите, а нам отдуваться... – добавила она и, тяжело вздохнув, нагнулась, чтобы подтереть грязь на ступеньках. – Я сказала хозяйке, что вы пошли прогуляться, но она пропустила мимо ушей, заявила, что вы, наверное, куда-то завялись.

– Вы же знаете, что у нас закончилась микстура для полоскания, правда, Флора?

– Да, фройляйн, – кивнула та и слабо улыбнулась, – а потом мы пошли к доктору.

– Ребенок бредит, – заметила Минна, – укройся, дорогая, тут холодно.

Откуда-то сквозило, и очень хотелось переодеться в сухое, голова раскалывалась. Минна сунула руку в карман и нащупала коричневый пакетик с порошком. Слава богу, он на месте.

Днем Минна обнаружила, что Флора в ужасном состоянии, девочка работала, но вдруг закашлялась так сильно, что не смогла удержаться на ногах и упала. Несколько раз Минна окунала беспомощно стонущую и икающую малышку в холодную воду, пытаясь сбить лихорадку, но ничего не помогало. Ребенок был безнадежен, щечки пылали от жара, потливость усиливалась. Минна не выдержала – закутала девочку в одеяло и отправилась к врачу.

– Горло болит, – захныкала Флора, пытаясь вдохнуть, когда Минна звонила в дверь доктора.

– Врач тебя вылечит, – ответила она с уверенностью, которой на самом деле не ощущала. – Ты из домочадцев баронессы, очень важная персона.

В дверном проеме появился пожилой господин, утиравший усы льняной салфеткой. Минна заметила женщину за обеденным столом, из комнаты пахло вареной говядиной и вином.

– Господин доктор, моя хозяйка, баронесса Вольф, желает, чтобы вы немедленно осмотрели ребенка. Она очень обеспокоена.

Доктор заколебался на мгновение, но Минна, на дав ему опомниться, стала перечислять симптомы болезни ребенка: лихорадка, кашель, тошнота, потеря аппетита. Не было оснований не верить ей. Даже без пальто и в испачканной грязью одежде она была элегантной женщиной – гибкая и стройная, с прямой спиной, гладкой кожей и безупречной дикцией. Кроме того, лгала она убедительно.

– Уж не скарлатина ли? – спросила Минна, когда врач вел ее к себе в кабинет.

– Неизвестная инфекция, – заключил он после осмотра. – Постельный режим месяц, по крайней мере... менять белье дважды в неделю... леденцы от болей в горле и «Героин Байера» от кашля...

Минна слушала, кивая и понимая, что в доме у баронессы советами доктора будет невозможно воспользоваться. И как ей вообще пришло в голову, что она сумеет выкрутиться? Все ее дни, вечера и даже воскресенья принадлежали баронессе. От нее ожидалось услаждение всех прихотей хозяйки, и промедление означало немедленное увольнение.

Рассуждая о назначениях доктора, Минна пощупала липкий лоб Флоры.

– Не уходи, – растерянно сказала девочка, голос у нее был хриплый и натужный.

В десять лет Флора выглядела всего на шесть, она вцепилась в юбку Минны, предчувствуя разлуку. Минна дала девочке две ложки липкого, сладко пахнущего сиропа и что-то прошептала на ухо. Малышка легла и отвернулась к стене.

Под пристальным взглядом ночной служанки Минна заколола несколько мокрых прядей в маленький узел, многозначительно обтерла каблук тряпкой и покинула кухню. Она вскарабкалась по узкой лестнице, прошла через переднюю с мраморным полом и помчалась

по сводчатому коридору, освещенному заграничными электрическими лампами. Задержалась на секунду у малинового салона, перевела дух и тихо постучала.

– Войдите, – отозвался голос.

Святая святых баронесса выглядела так, будто туда в жизни никто не входил, – дорогие, тяжелые кресла и диваны, обитые камчатной тканью с турецким узором, витражные тени, персидские ковры и коллекционный фарфор: фигурки мопсов, пуделей и экзотических птиц. Чаша с лилиями на инкрустированном столике в углу возле окна, а на письменном столе – серебряное блюдо с кексами к чаю и белоснежными бутербродами. Внешне Минна была спокойна, но щеки горели и сердце бешено колотилось, словно она только что разбила ценную вазу. Кроме того, запах печеного напомнил ей, что с утра у нее не было во рту ни крошки.

– Добрый вечер, баронесса.

– О тебе ходят разговоры, – неожиданно произнесла та томным и рафинированным голосом. Затянутая в мучительный корсет, она сидела, изучая Минну взглядом, который мог бы освежевать кролика. – Хочешь знать, что о тебе говорят? О твоих особенностях – постоянном чтении книг, прогулках и прочем. О том, с чем я мирюсь, претерпевая большие неудобства, и чего пытаюсь не замечать. Ты опоздала. Где ты была?

– Ходила в аптеку. Флора больна.

– Ты думаешь, я не заметила? – усмехнулась баронесса, жестом подзывая ее сесть напротив.

Минна колебалась. Юбка была еще влажной и могла оставить следы на изысканной обивке. Она осторожно села с краю, отодвинув шелковые подушки.

– Я же не чудовище, в конце концов. На прошлой неделе я сама велела кухарке каждый день давать малышке камфару.

«Это было первое и единственное благодеяние, которое баронесса когда-либо совершила для этой девочки», – подумала Минна.

Несчастную Флору наняли в деревне для поденной работы в огромном барочном особняке. Даже тогда девочка выглядела худенькой и бледной, слишком слабой для такой службы. У нее были соломенного цвета волосы, светло-карие глаза, большую часть дня она проводила в кухонном подвале, задыхаясь в густых черных облаках испарений и дыма. Ей приходилось не только скоблить котел, чистить камин, но и драить кастрюли и мыть уборы. Ночью Минна часто видела, как девочка плачет в подушку.

– Камфара оказалась бесполезной. Она нуждается...

Баронесса подняла палец, прервав ее.

– Здесь я решаю, когда мои слуги нуждаются в лекарствах. И кстати, когда у меня на прошлой неделе была ангина, я не заметила, чтобы ты бегала в аптеку ради меня.

Повисла напряженная тишина, пока баронесса поправляла бахромчатые подушки на диване в стиле ампир.

– Замечу, что мне никогда не везло с прислугой, я редко нанимаю людей из Второго округа, но у тебя были очень хорошие рекомендации...

Минна не возражала. Она никогда не жила в Леопольдштадте – во Втором округе, где обосновалось большинство зажиточных венских евреев, но жало антисемитизма часто язвило и ее. Еще в детстве, в школе, она порой мстила преследовавшим ее обидчикам и однажды ударила мальчика так сильно, что у него пошла носом кровь. Став старше, Минна поняла, что лучше игнорировать подонков, хотя каждый раз чувствовала холодок в затылке, слыша оскорбления.

– Уверяю вас, меня заботило лишь состояние ребенка, – ответила Минна тихим, но твердым тоном.

– Тебя должна заботить только твоя работа. Ты моя компаньонка. И, насколько я понимаю, у тебя нет медицинской подготовки.

– Есть. Я работала у доктора в Ингольштадте.

– Как его зовут? – скептически спросила баронесса.

– Доктор Франкенштейн, – беспечно брякнула Минна.

Баронесса смотрела на Минну, потом лукаво улыбнулась, оценив шутку, встала и пошла к камину, чтобы взять корзинку для шитья.

– Ладно, – смягчилась она, – ты должна извиниться, прежде чем мы продолжим.

– Прошу прощения, – произнесла Минна, но без особой искренности.

– Извинение принято, – кивнула хозяйка, – так или иначе, девочка вечно хворает. Слабая и чахоточная.

Баронесса посмотрела в зеркало над каминной полкой и коснулась волос, тщательно зачесанных на макушку.

– Что ты думаешь об этой прическе? Как у Клары. На той неделе в Императорском дворце она была причесана именно так.

– Вам идет, – ответила Минна, глядя на нелепый начес в стиле помпадур и думая, что вряд ли кто-нибудь удержится от смеха, смотря на это убожество.

– Отлично, тогда я так и буду ходить. – Баронесса откинулась на спинку дивана, держа рукоделие на коленях.

Темнело за окном, и в комнате сгущались тени. Слабый стук лошадиных копыт и шуршание колес по брусчатке проникали за тяжелые шторы, драпированные полукруглыми складками, иногда были слышны голоса слуг, эхом разносившиеся по коридорам. Руки баронессы, гладкие, белые, быстро сновали по канве пасторальной сценки, которую она вышивала. Бледная зелень, сочное лиловое небо и пастушок, стерегущий стадо.

Преодолев два лестничных пролета до своей комнаты, Минна быстро стянула с себя мокрую муслиновую юбку, фланелевый подъюбник, шерстяные чулки и расстегнула двадцать пуговиц на белой хлопковой рубашке. Корсет ужасно сдавливал ребра, и Минна с наслаждением вдохнула и выдохнула, распустив шнуровку и бросив на пол это орудие пытки. Ей надо было просохнуть, а то она уже начинала попахивать мокрой псиной. В комнате было темно, соответственно ее настроению, стены – цвета мышьячной зелени. Надев ночную рубашку, Минна отнесла свечу к туалетному столику, за ней следовала ее тень. Она откинула голову и стала расчесывать густые медно-каштановые волосы, собирая их гребнем. В юности Минна тщательно ухаживала за волосами и высоким, стройным телом. Но с годами тщеславия поубавилось. Черты лица и линия шеи по-прежнему были изящны и тонки, но даже при свете свечи были заметны легкие тени под глазами.

Кто бы мог подумать, что, дожив почти до тридцати лет, ей придется стоять и молча выслушивать нотации молодой женщины – своей ровесницы, которая чуть не уморила бедного ребенка, как собаку? Минна могла бы выйти замуж, как ее сестра Марта, если бы жизнь пошла по-другому, если бы отец не разорился и не упал замертво на улице, да если бы не умер жених...

Что толку опять возвращаться к былому? Минна уже давно ни от кого не зависела. Никто из родственников не мог ей помочь – у Марты большая семья, брат Эли женился и уехал, так что выбор у нее небогатый: компаньонка или гувернантка. Она прокладывала свой путь в этом мире, и, похоже, скоро ей снова в дорогу.

Минна закутала плечи шалью и обхватила себя руками покрепче. Она устала. И затылок болел. Она прошла на балкон и взглянула на север.

«Хорошо бы поток джина, – подумала Мина. – Но и сигарета сойдет». Она прикурила тонкую турецкую папироску, одну из тех, что прятала в нижнем ящике шкафа. Ливень, затих, опустился мрак. Минна сделала глубокую затяжку.

Часто поздно ночью, когда все обязанности были выполнены, Минна читала до тех пор, пока огонек свечи не утопал в лужице воска. Значительная часть жалованья уходила на книги, но это были не светские романы о служанках, блудящих в мансардах, и господах с похотливыми глазами. И не бесконечно скучные мемуары из серии «помни меня» читала она, пока не начинали слезиться глаза. Нет, Минна избрала серьезные произведения, преодолевая «Французскую революцию» Томаса Карлейля¹ – книгу, которая была даже лучше, чем «История нормандского завоевания» Эдварда Фримана², и не слишком назидательна при этом. Продиралась сквозь велеречивые абзацы «Происхождения видов» Дарвина, сражалась с трудами Гераклита и Парменида, смысл которых вращался вокруг вечных вопросов бытия.

И наконец, Аристотель. Минна его немедленно отвергла, обнаружив, что он полагал женщину недоразумением природы – недоделанным мужчиной. Она продала книгу без сожалений. Платон тоже не слишком продвинулся, настаивая, что женщины глупее мужчин. Но не могла же она игнорировать каждого философа из-за их узколобых умозаключений. В конце концов, Ницше, которым Минна восхищалась, рассматривал женщин как предмет обладания... собственность, обреченную на служение. И Руссо верил, будто роль женщины – улаживать мужчин. Все это удручало.

Но ничто не раздражало ее в художественной литературе. Более того, эта литература была замечательным противоядием от скуки, страха и одиночества. Минна любила эпистолярные «Страдания юного Вертера» Гёте и вторую часть шекспировского «Генриха Шестого» (первая была перегружена историческими подробностями, и Минна считала ее одним из самых слабых мест в драматургии Шекспира). А для отдохновения ей служил «Франкенштейн» Мэри Шелли – готический роман, который она буквально проглотила. И еще был венский писатель-авангардист Шницлер, он забросил врачебную практику ради драматургии и писал пьесы о героях-аристократах и их любовных связях. Ни иронии, ни морализаторства, просто откровенное, бесчувственное исследование феномена страсти. Ей никогда не приходилось читать ничего подобного. Вкус к прозе Шницлера развивался в ней постепенно, подобно вкусу к оливкам и зернистой икре или к живописи Климта.

Но этой ночью было не до джина, табака или библиомании.

Минна натянула ботинки и в одной ночной рубашке, презрев утомительное количество пуговиц, вернулась в подвал – в тесную каморку Флоры. Ребенок скорчился на кровати, сжимая в руках тряпичную куклу.

Обычно Минна садилась рядом и рассказывала ей всякие истории, но сегодня Флора была не расположена к рассказам. Девочка хотела того, что желает всякий ребенок ее возраста. Она хотела домой – к маме. Минна села рядом и взяла девочку на руки, а Флора прижалась щекой к ее груди. Минна нежно гладила Флору по головке и тихо баюкала, пока веки девочки не отяжелели и не закрылись, и вздохнула с облегчением, когда Флора наконец уснула.

На следующее утро баронесса получила записку от доктора. Тот справлялся о здоровье ребенка и уточнял, что внеурочный прием оплачивается в двойном размере.

– Ты уволена, – заявила баронесса, хмурясь в раздражении, и, глядя в сторону, добавила, что все расходы будут вычтены у нее из жалованья.

Это не было обычное самодурство разгневанной госпожи по отношению к непокорной слуге. Обвинения были справедливы. Не звучало никаких страстных протестов в ответ. Да и смысла не было. Особенно если учесть, что задумала Минна.

¹ Томас Карлейль (1795–1881) – британский писатель, публицист, историк и философ шотландского происхождения, автор многотомных сочинений «Французская революция» (1837), «Герои, почитание героев и героическое в истории» (1841) и др.

² Эдвард Фриман (1823–1892) – известный английский историк, профессор новой истории в Оксфордском университете, автор многих значительных трудов по истории.

Позднее, когда баронесса уехала по делам, Минна упаковала чемоданы и оставила их у заднего крыльца. Сообщила слугам, что ее и Флору уволили, и увезла изумленное дитя на вокзал Вестбанхоф. Она отправляла Флору домой.

Флора была родом из деревушки под Линцем, где зимы тянулись долго, а люди добывали себе пропитание, надрываясь на литейных заводах, шахтах или фабриках. В маленькой жизни Флоры уже были лишения и трагедия – умерла сестра от дифтерии или гриппа, брат попал в тюрьму, и никто давно не слышал об их отце, простом чернорабочем, пропавшем без вести. Но Флора обожала мать. «У нее золотые волосы, – однажды ночью сказала она Минне, – как у феи».

Минна обняла девочку за худенькие плечи, и они вместе, прижавшись, вышли на полупромерзшую платформу, глядя на пассажиров, толпившихся у ворот: женщины в узорчатых жакетах с меховой оторочкой и с причудливыми саквояжами, кудрявая ребятня в теплых пальтишках. Флора казалась спокойной, расслабленной.

Когда подошел поезд, Минна и Флора миновали кондуктора, стоявшего у вагона первого класса с удобными купе и электрическим освещением. Минна посадила девочку в вагон третьего класса, устроив на деревянном сиденье между двумя матерями семейств, у одной из которых на коленях спал ребенок.

«Не возвращайся сюда», – хотела она сказать, но лишь погладила теплую щечку Флоры и сунула несколько крон в руку одной из ее соседок, получив с нее обещание присмотреть за девочкой. Но Минна понимала, что через несколько месяцев Флору пошлют работать куда-нибудь еще. Такая уж у нее судьба. Минна ощутила горькую тоску и сожаление. Она бы хотела, по крайней мере, чувствовать, что освободила Флору.

Минна проводила взглядом отгромыхавший прочь поезд и долго стояла на пустой платформе, пока тяжесть ее собственного положения наконец не открылась ей. Никаких рекомендаций от баронессы ждать не приходится, это очевидно. Деньги почти иссякли, и нет никакой надежды найти место в ближайшем будущем. Она остановила омнибус и поехала по лабиринту мощенных булыжником улиц, стараясь не замечать наползающей паники. Минне уже казалось, будто найти приличную работу вообще невозможно, но она старалась поддерживать в себе утасаживающее чувство, что счастье ждет за поворотом.

Она остановилась в скромном пансионе вблизи Дуная, но никак не могла заснуть. Время шло, Минна то дремала, то читала, то ходила по комнате. Громко тикали часы на комодке, когда она села наконец за письмо сестре. Больше писать было некому. Даже матери, которая едва сводит концы с концами, живя на вдовью пенсию. Минну постигла очередная катастрофа.

Ее и прежде увольняли несколько раз, и она уже не впервые оказывалась в подобной ситуации. И каждый раз Минна уверяла, что у нее все в порядке, ей нравится ее независимость, свобода, то, что она может сидеть в кафе, читать и беседовать. И каждый раз сестра смотрела на нее с жалостью и ободряюще гладила по руке: «Бедная моя Минна. Ты же знаешь, что, работая на таких людей, покоя не дождешься».

Минне хотелось принять ванну и переодеться, но ее багаж пока оставался в доме баронессы, возможно, все вещи уже вышвырнули на улицу. Как только появится дневной портье, она пошлет за ними. Минна закончила письмо сестре и запечатала его. Годами Марта намекала, что ее муж Зигмунд не в состоянии содержать лишнего человека в доме. Теперь, как сообщала сестра, дела пошли иначе. Медицинская практика расширилась. Они растили шестерых детей – Матильду, Мартина, Оливера, Эрнста, Софи и только что родившуюся Анну. Может, Минна пригодится в доме?

Она надеялась, что Зигмунд войдет в ее положение. Их отношения всегда были сердечными. Несколько лет они вели оживленную переписку на взаимно интересные темы – о политике, литературе и его научных трудах.

Минна закрыла глаза и представила, как Марта открывает письмо и сразу посылает за ней. Образ не выходил из головы. И она, никогда не зависевшая от родни, почувствовала огромное облегчение.

Глава 2

Минна стояла на обледенелом, грязном тротуаре, дрожа в своем пальтишке. Кончики пальцев обожгло холодом, когда она подзывала коляску, но душа цеплялась за спасательный круг мыслей о пристанище хоть где-нибудь.

– Приезжай домой сейчас же, Минночка, – сказала сестра, как всегда, убедительно, – дети ужасно соскучились. Ждем тебя к обеду.

Небо заволокло тучами, ветер дул с реки. В это очередное холодное ноябрьское утро Минна отправилась к сестре. Долговязый кучер, подъехав к ней, поначалу был учтив, но, увидев ее пожитки, сваленные на обочине, словно ее выселили, помрачнел. Он ворчал, запихивая сумки Минны в багажное отделение кареты. Теперь она ехала по пустым улицам, и кучер причмокивал так громко, что чуть ли не заглушал цокот подков.

– Долго ли еще? – спросила она.

Кучер, похоже, вез ее «живописным прогулочным маршрутом» по Рингштрассе, минувя дома в стиле неоклассицизма, ренессанса и барокко и отмечая вслух все достопримечательности:

– Хофбургтеатр был основан императором в одна тысяча восемьсот семьдесят четвертом году, чуть позже Его Величество открыли Оперу, а музей...

«Наверное, пытается выудить приличные чаевые», – думала она, глядя на очертание венского горизонта, похожего на свадебный пирог с заснежными остроконечными башенками и готическими росчерками.

Слова Марты несли утешение, но Минна, к несчастью, понимала, что это была скорее рука помощи, чем приглашение. Но у нее не было выбора, а сестра никогда не могла отказать ей. Стыдно поселиться у кого-то только потому, что больше некуда деваться! С другой стороны, хоть на время, но это было святилище для ее истощенного духа.

Минна нервно взглянула на золотые часики, свисающие с подаренной матерью брошки в виде банта. Она знала, что сестра не терпит опозданий. Обед всегда подавался ровно в час, и ни минутой позже. Никто не входил и не выходил из столовой во время обеда. И все домашние дела выполнялись с военной точностью. Таковы правила Марты. И она будет жить по ее правилам. Как и положено. Это дом Марты, муж Марты, дети Марты.

Фрейды жили в Девятом округе, на крутой невзрачной улице. Один конец ее упирался в респектабельный жилой квартал, а другой устремлялся вниз к взъерошенной барахолке Тандельмаркт, расположенной у канала – старого русла Дуная.

Кучер замолчал. Еще одно упоминание о дворце, театре, и Минна свернула бы ему шею. Когда карета достигла девятнадцатого номера по улице Берггассе, она заплатила ему. Минна прибыла в дом сестры без денег и планов на будущее.

Она всегда замечала, что многоквартирный дом, где жила сестра, обладал благородным фасадом: высокие, украшенные лепниной окна с деталями барокко и классицизма – с претензией на величие, если не замечать магазинчики на первом этаже. Слева от входа, ведущего в квартиру, находилась кошерная мясная лавка Корнмихеля, а справа – бакалея Вайнера. Дети Фрейдов толпились у входа, чтобы поприветствовать ее.

– Ты ш нами долго будешь, танте Минна? – спросила четырехлетняя Софи, розовощекий, кудрявый ангелок с выразительными губами, безуспешно пытавшимся растянуться в улыбке.

Остальные дети окружили Минну, хлюпали носами и терли глаза. Не успела она ответить, как семилетний Оливер прокричал матери:

– Мама, а где она будет спать? Я слышал, папа говорил, что у нас нет места.

Марта появилась в дверях, вспугнув детей, точно голубков.

– Минна, дорогуша! – воскликнула сестра, встав на цыпочки и целуя ее в щеки. – Как я рада!

– Марта, я не могу сказать, как ты меня...

– Ни слова, дорогая, мы с тобой везучие.

Минна обняла сестру и отступила, чтобы посмотреть на нее. Она не видела Марту с рождения Анны, и ее обеспокоило, как выглядела сестра. Тусклые волосы были расчесаны на пробор и затянуты в узел, лицо напряглось и заострилось. Она выглядела так, будто вышла из подвала – припухшие, с красными прожилками глаза, фиолетовые мешки под ними. Ее обычно аккуратное платье морщило и сбилось набок. Марта всегда была «сестричкой-милашкой», наделенной нежным овалом в меру бледного лица, выражение которого вместе с верхней губой, изогнутой наподобие лука Купидона, придавали ее манере держаться как раз необходимое количество обаяния. Но сейчас, после шести беременностей, она словно утратила контуры, расплылась по краям, и единственное, что проглядывало в ней, была усталость.

– Я так беспокоилась о тебе, – сказала Марта, сжимая руку Минны, когда вела ее в квартиру.

Софи, Оливер и остальные дети отстали и устроили в холле кучу-малу, отталкивая друг друга, чтобы оказаться впереди. Они не спеша проследовали через бюргерскую квартиру, миновали палисандровые консоли, бидермайеровские столы, старые персидские ковры, и шторы, метущие шлейфами пол. В комнате витал легкий запах мебельного масла и мастики. Дети шли позади, лоск воспитанности слетал с них прямо на глазах. Оливер и Мартин ворвались и гостиную и пролетели сквозь нее, как маленькие сорванцы, опрокинув стул, а девочки тянули Минну за рукав, соперничая за ее внимание.

Спальня Минны оказалась маленькой и странной формы – прежде она служила гардеробной при хозяйской спальне, с высоким и узким окном над кроватью. Кувшин с водой у раковины, масляная лампа на тумбочке и кровать, застланная свежими простынями. Был здесь и маленький камин, украшенный изразцами, а в углу стоял деревянный платяной шкаф с резными завитушками.

Марта провела ее в спальню и раздвинула белые муслиновые шторы, выплеснув мягкий полуденный свет на сверкающий паркет. Потом налила стакан воды и протянула Минне.

– Ты похудела, дорогуша, хорошо ли ты ешь? – спросила Марта, пристально разглядывая сестру, примостившуюся на краешке кровати.

Сестры все еще были похожи – одинаковые темные глаза, прямые носы и волосы густые и тяжелые, хотя Минна унаследовала отцовскую худобу, а Марта стала пухлой и солидной копией матушки. В юности разница была не столь заметна, но со временем отличия становились все более явственными.

Дверь с грохотом отворилась – восьмилетний Мартин, старший сын Фрейдов, сражаясь с чемоданами Минны, втащил их в комнату. Он обещал стать красавцем, но пока был неуклюж и толстоват, под правым глазом расплзся внушительный синяк. Марта всегда жаловалась, что ребенок вечно попадает в переделки, приходит домой с разбитыми коленями, фонарями под глазами и гневными записками от матерей соучеников.

– Что с твоим глазом?

– Ничего, – ответил он. – Ты к нам надолго?

– Только на обед, – ответила Минна.

– Правда? – с надеждой ответил он, из чего Минна заключила, что проблема «незамужней тетки» еще не разрешилась между его родителями.

Глава 3

– Какая прелесть! – воскликнула Марта, восхищаясь тонкой фактурой шелкового вечернего платья, которое Минна только что извлекла из чемодана.

– Подарок бывшей хозяйки. Ну, не совсем подарок. Баронесса решила, что оно вышло из моды, и велела избавиться от него, – объяснила она, улыбаясь, и воспоминания детства вдруг нахлынули на нее.

Они с Мартой готовились к первому светскому событию года. Как давно это было, и как незначительно, глядя отсюда и сейчас!

Марте было восемнадцать лет, и в глазах ее многочисленных поклонников она была само совершенство – ростом чуть более пяти футов, тонкое, миловидное лицо. А в тот великолепный осенний день ее щеки порозовели после утренней прогулки, и она казалась чистой и непорочной в мягком сером костюме и сапожках. Она и Минна, перейдя широкую Рингштрассе, миновали собор Святого Стефана и Оперу, и оказались в центре старого города, где их семейный портной держал маленькую мастерскую. Первый «шикарный» бал года состоится через полгода, но Марта уже подобрала ткань на платье. Семь ярдов широченной желтой парчи (никаких кринолинов – слишком вульгарно и старомодно) будет отмерено, отрезано и сшито, собрано в корсет, подчеркивая изящную талию Марты, а мягкие складки будут красиво облегать ее скромный *derriere*³.

Ателье находилось на искривленной, темной улочке со средневековой мостовой и было зажато между парфюмерным магазином и столярной мастерской, пропахшей лаком. Когда девушки вошли в лавку, они тут же заблудились в шелковых дебрях. Ряды толстых рулонов разноцветных тканей выстроились у стен, закрывая проходы и окна, и это не считая ящиков, переполненных бантами, перьями, кружевами и бахромой. Минна шупала роскошную французскую ткань ручной выделки со сложными итальянскими узорами, шелковистый бархат – малахитовый, гранатовый и мерцающий золотом. Интересно, сколько это стоит? Нигде не было ни одной этикетки.

– Марта, а сколько это все может...

– О, Минна, смотри! Синий бархат, какой цвет – настоящая берлинская лазурь, – ответила Марта, погруженная в себя.

– Твои подружки от зависти покроются «настоящей берлинской зеленью», – усмехнулась Минна.

В четырнадцать лет она была выше старшей сестры и чуточку нескладной – слишком длинные ноги и шея, ключицы, выпирающие из выреза блузки. Минна еще не выходила, да у нее и не было еще вечернего платья. Она сравнила себя с сестрой в зеркале примерочной. Она давно уже сравнивала себя с Мартой, надеясь, что отражение волшебным образом станет таким же, как у сестры, но, увы, так не случилось. «И слава богу», – решила она годы спустя.

Впрочем, кое-что в своем отражении Минне нравилось. Она, как и Марта, унаследовала тонкий фамильный профиль и кожу, белую, без единого пятнышка. Но вот ступни были просто гигантскими, и когда Минне исполнилось восемь лет, они уже не могли меняться с сестрой ботинками или туфельками. Потом волосы – не держащиеся в косах, вечно вылезающие во все стороны беспорядочными прядками. А почерк! Более корявый и неразборчивый, чем у Марты. Домашний учитель никогда не забывал упомянуть об этом, впрочем, признавая с неохотой, что только Минна – настоящая ученица в семье.

³ Тыл, арберггард, зад (*фр.*) – *Здесь и далее примеч. пер.*

После примерки сестры под руку шли по архитектурной бесконечности главной улицы, мимо декоративных фасадов жилых домов, а потом по Кернтнерштрассе мимо кафедрального собора. В те дни трудно было пойти куда-нибудь и не встретить военного при полном параде, и вот уже группа вояк улыбалась сестрам, козыряя. Потом еще несколько улиц в сторону канала, к рынку, где они купили горячие, липкие сливочные пирожные в бумажных стаканчиках и помахали руками людям в лодках. Жизнь была прекрасна, и они были благодарны ей, а это не все девушки умеют. Потому что прошлое было кошмаром.

Десять лет семья жила в Гамбурге, их отец, Берман Бернайс, угодил в тюрьму на четыре года за банковские махинации. Но он был не виноват, и в этом Минна не сомневалась. Долгие годы мучительный налет стыда отравлял время, когда семья собиралась вместе или участвовала в каких-либо событиях. Пока муж сидел, их мать выработала высокомерную позу презрения, желая преодолеть позор, а старший брат, Эли, бросил школу, стал избегать друзей и пошел работать к дяде родом из Киева, который торговал по деревням мануфактурой вразнос. Эли уезжал на недели неизвестно куда, вскоре появлялся, опустошенный духом, без сил, в измятой одежде и пропахший сосисками с капустой. Жаловался на сельскую грязь и болезни, на переполненные постоянные дворы без ванн, но больше всего Эли ненавидел жизнь странствующего разносчика. «Ну да, – подумала Минна, – он показал всем им, уехал в Америку с собственной семьей, теперь побогаче их всех».

Минна помнила день, когда отец вернулся. Он стоял в дверном проеме, словно живой мертвец, волосы седые и клочковатые, борода свисала с подбородка мочалкой. От его вида ее будто камнем ударило, а вся семья словно онемела. Марта отскочила, когда отец приблизился к ней, тогда он повернулся к Минне.

– Моя маленькая красавица, – ласково сказал он. Отец протянул к ней руки и крепко обнял, а она прижалась к его ребрам, проступающим под одеждой.

Вечером, когда они зажгли субботние свечи, семья вела себя тихо и осторожно, но в голосе матери звучали гнев и тревога, и даже годы спустя ни гнев, ни тревога не исчезли. Ее обида только возросла, когда отец нашел новую работу в качестве секретаря знаменитого экономиста и перевез семью в скромный дом на окраине еврейского района в Вене. «Но там живет вполне солидный еврейский средний класс», – уговаривал он, и многие его друзья разбогатели и стали влиятельными при Габсбургской монархии. Сотни еврейских семей, как и они, ринулись в город в те дни, подальше от растущего антисемитизма пригородов Гамбурга, ища счастья и культуру в несравненной Европе. Но все его увещания пропускались мимо ушей, Эмелина скучала по родной Германии и винила Бермана за позор и нищету. В конце концов, собственная семья была если не богатой, то уважаемой и состоятельной, а все эти неприятности с тюремным заключением опозорили ее доброе имя.

– Вена угнетает меня, – сварливо говорила она, – улицы невыносимо шумные. И все эти уродливые шпили!

– А мне здесь нравится, – обычно замечала Минна, спокойно и вызывающе, косвенно защищая отца. – Не то что в скучной провинции. В Гамбурге просто нечего делать.

Когда мать продолжала список обид на Вену – удручающий авангард, сырая погода, ветхие синагоги, – отец усаживался в кресло и лишь виновато улыбался. Минна садилась рядышком, и они играли в карты или читали. Минна часто будет вспоминать эти мгновения, когда их было только двое.

За день до его смерти Минна с отцом вышли на обычную вечернюю прогулку. На улицах Вены жизнь всегда была ключом, и Минна любовалась красиво одетыми мужчинами в шелковых цилиндрах, женщинами в изысканных шляпках, украшенных перьями, в модных туалетах и переливающихся меховых мантиях, когда они собирались у парадного подъезда отеля «Империал» или у популярного кафе «Централ». Она любила наблюдать ухоженные черные кареты, подъезжающие к ресторанам, полным людей, которые курили, смеялись,

пили свежесваренный горький кофе по-венски. Воздух наполнился дымкой, светом, музыкой. И Минна думала, что любит этот город так же сильно, как мать ненавидит его.

Она помнила день, когда узнала дурную новость. Марта с Минной были в модном магазине, обсуждая, кто из ее бесчисленных поклонников подпишет ей билет с приглашением к танцу, когда вбежал Эли, бледный, как полотно. Берман переходил Рингштрассе на оживленном перекрестке и упал посреди улицы. Очевидцы утверждали, что он постоял мгновение, хватая руками воздух, и рухнул кулем на мостовую – только чудом его не переехала карета. Отцу было всего пятьдесят три года. Смерть от обширного инфаркта.

Следующие дни все было сосредоточено на подготовке к похоронам, которые, согласно еврейским традициям, должны были состояться не позднее двух суток после смерти. Эммелина была безутешна и остра на язык даже больше обычного. Она сидела в кабинете на краешке дивана, с нетронутым рукоделием на коленях. Шторы были опущены, зеркала покрыты черным крепом, и часы показывали время смерти.

– Мы остались ни с чем, девочки. Ни с чем.

Гнев Эммелины можно было бы сравнить с разочарованием Минны. Ее поражала утрата, холодное, темное молчание, наполнившее пространство, которое когда-то было им. Мир казался несправедливым, пустым и беспомощным.

По еврейскому обычаю семь дней семья должна была соблюдать шива⁴. Никаких ванн и прочих омовений. Все носили черные ленты на отворотах и слушали раввина, приходившего несколько раз в день, чтобы прочесть Кадиш⁵.

Минну раздражали гости с глазами на мокром месте. Противна была еда, вино и разговоры. В ее четырнадцатилетнем сознании весь мир превратился в грязь. Мать использовала трагедию как повод к возвращению в прежний, более скромный дом в окрестностях Гамбурга. Сестры ехать не хотели, но мать настаивала. Все это время они существовали благодаря великодушию теток, дядей и старшего брата Эли, который теперь зарабатывал на жизнь предпринимательством.

Тогда сестры держались вместе в союзе против матери. Но со временем Минна стала сильнее, красноречивее, обрела способность выдерживать сражения за те маленькие удовольствия, какие им остались.

Когда они хотели пойти на прогулку, именно Минна бросала вызов материнскому бурному темпераменту и излагала требования. Соответственно, Марта стала фавориткой, и мать этого не скрывала, а Минна тоже ничего не сделала, чтобы притвориться, будто не замечает. Марта была послушна, вежлива и со всем соглашалась, Минна – независима и бесстрашна. Это были их роли, которые они играли и сегодня.

– Минна, это у тебя что – выпивка? – спросил Мартин.

– Нет, – солгала она, пряча бутылку и сигареты в нижний ящик комода.

Он продолжал кружить над ней, как стервятник, когда она открыла самый маленький саквояж и вытащила оттуда папку с письмами и фотографию матери во вдовьем чепце.

– Я могу остаться и помочь, – сказал он, впиваясь взглядом в каждую вещь.

Жаль, что у нее не было для него подарка. Раньше Минна всегда дарила всякие мелочи детям: забавные мешочки со стеклянными шариками, открытки с портретами императора Франца-Иосифа или прусских солдат в замысловатых шлемах и с шашками. Были еще открытки, которые ему наверняка понравились – изображения любовницы императора, известной венской актрисы, облаченной в прозрачный наряд – «габсбургский пирожок», как

⁴ Первая неделя траура по еврейским законам.

⁵ Еврейская молитва, прославляющая святость имени Бога и Его могущества и выражающая стремление к конечному искуплению и спасению.

это называли, но такую открытку она уж точно не подарила бы племяннику, даже если бы у нее были деньги. Спасение Флоры обошлось ей дорого, и Мартину пришлось уйти ни с чем.

Минна смотрела, как племянник медленно идет по коридору, а потом села на кровать, еще более разочарованная, чем ребенок. Она слышала далекие звуки толпы, спешащей на Тандельмаркт, крики лодочников на Дунае, перезвоны окрестных церквей, стук кастрюль и журчание воды в кухне. А с другого конца коридора доносились пронзительные голоса ссорящихся детей и воркование младенца.

Марта ободряюще улыбнулась сестре:

– Знаешь, Минна, очень важно жить в кругу семьи.

– Я согласна, – кивнула она. – Если только этот круг – не мама.

Марта засмеялась.

Обе знали: мать заикнулась на том, чтобы выдать Минну замуж. Она всего лишь хотела для Минны того, чего хотят все практичные матери: чтобы ее стареющая и не слишком достойная дочь благополучно обрела мужа. Сколько раз со времени смерти жениха мать предупреждала Минну не быть заносчивой в разговорах, не доверять воображению? Она ведь уже поплатилась за свой несносный характер, убеждала Эмелина, и может остаться одна. Кроме того, Минна оторвана от жизни, слишком пристрастна и нетерпима к людям.

В последний визит в Гамбург мать посоветовала:

– Поменьше болтай об операх Гуно⁶ и побольше о чем-нибудь другом, а еще лучше – вообще помалкивай. Большинство мужчин не любят светлый ум, если только он не их собственный.

Такие женщины, как Минна, для Эмелины были «мечеными» – лишние дочери с заурядным будущим, никогда ни к чему не приспособливающиеся, будто вечно страдающие недомоганиями или просто уродливые. Это был спор, в котором Минна не могла победить. Хорошо, что она не католичка. Мать могла бы похоронить ее в каком-нибудь отдаленном монастыре.

– Не злись, – сказала Марта, поколебавшись, – она желает тебе добра.

– Ее заботит лишь одно, – произнесла Минна, вытаскивая оставшиеся книги из чемодана и ставя их на комод.

– Ладно, человек должен быть реалистом. А женщина – обязательно, – продолжила сестра, запустив пальцы в волосы, привычка, которую Минна помнила с детства: когда Марта боялась, что обидит кого-то, она делала именно так.

– Что ты имеешь в виду? Я должна выйти замуж за друга Эли, торговца из Гамбурга? – спросила Минна, роясь в саквояжах.

– Нет, не за него. Разве не его ты называешь Венецианский Купец? Что ты ищешь?

– Мужа, – пошутила Минна.

Сестры засмеялись, голова к голове, словно две кумушки за чаем.

– Ну, в таком случае у Зигмунда есть коллега, с которым я хотела бы тебя познакомиться, доктор Сильверштейн. Выдающийся человек. Закоренелый холостяк. Но в этом возрасте...

– Марта, позволь мне немного отдышаться, прежде чем ты возьмешься за свое.

– Возьмусь за что?

– Ну, просто это...

– Ты должна признать, что были и другие... после смерти Игнаца. Вполне уважаемые. И ты всегда была слишком занята или...

Марта утверждала, что Минна может выйти замуж когда захочет. Просто нужно быть более гибкой, ну, или притвориться таковой. Мужчинам не нравятся женщины, нарушающие

⁶ Шарль Франсуа Гуно (1818–1893) – французский композитор, музыкальный критик, писатель-мемуарист. Основатель жанра французской лирической оперы. Самые известные оперы Гуно – «Фауст» и «Ромео и Джульетта».

обычай, несущие хаос в их жизнь. А Минна полагала, что замужество ради самосохранения погружает жизнь в невыносимую скуку. Но она взглянула в обеспокоенное лицо сестры и решила успокоить ее:

– Хорошо, дорогая, как только встретишь прекрасного принца, отправляй его прямо ко мне.

Глава 4

– Минна, дорогая, сядь рядом с Зигмундом, – сказала Марта, указывая на два пустых стула на дальнем конце стола. – Ну, и где эти дети? Неужели так трудно прийти вовремя?

Минна оглядела темную столовую. Ей никогда не нравились малиновые набивные обои и плюшевые портьеры, вгоняющие в депрессию, придававшие комнате удушливую похоронную атмосферу. Если бы она могла сорвать эти шторы и заново отполировать багровый стол красного дерева! Но все эти предметы, включая вычурный буфет, были *de rigueur*⁷ всякой приличной столовой. Единственным уникальным предметом обстановки являлся диван, по непонятым причинам задвинутый в дальний конец комнаты и задущенный персидскими коврами. Его назначение оставалось загадкой.

– Зажги свечи, если тебя не затруднит, милая, – попросила Марта, суетясь вокруг цветов.

Она исчезла в кухне, пока дети неспешно стекались в комнату, каждый направлялся к своему месту: Оливер рядом с Софией, Мартин и десятилетняя Матильда напротив. Матильда была самым старшим ребенком и признанной красавицей в семье. Не прошло и двух минут, как она уже командовала всеми:

– Вытри нос, Оливер, где ты воспитывался? Это же противно! Софи, поторопись!

Малышка Анна осталась с фрау Жозефиной в детской, а шестилетний Эрнст, как сообщил Минне Мартин, задержался у логопеда. Эрнст шепелявил сильнее, чем его сестра София, поэтому после нескольких лет невразумительного словоизвержения его все-таки отвели к специалисту.

Все дети выглядели чистыми – аккуратные косички и кружевные переднички у девочек, хрустящие холщовые матроски и бриджи у мальчиков. Минна пыталась пообщаться с каждым, но они были настолько непоседливыми и вертлявыми, что ей никак не удавалось поддерживать беседу, особенно когда они говорили все сразу. По мере того как шум усиливался, Марта сновала между кухней и столовой, проверяя, не подгорело ли печенье или говядина, одному ребенку принесет стакан воды, другому подаст салфетку, снимая по пути руку или ногу дитяти с подлокотника кресла или поднимая с пола комок корпии.

– Да что ж это такое... – пробормотала она, вздохнула и уселась на свое место, выпрямив спину.

Минна разгладила белую шелковую блузу с высоким воротником, закрывающим шею, думая, что в комнате пахнет воскресеньем. Она сняла жакет и распустила волосы еще в спальне, но теперь, наблюдая нарядную обстановку за столом, неожиданно почувствовала себя раздетой. Кружевные скатерти, серебряные подсвечники, дорогой фарфор, вазы с цветами. Марта не сводила взгляда с двери.

– Наверное, Зигмунд снова задержал лекцию... Я просто не понимаю... бесконечно разговаривать со студентами, когда он знает, что мы ждем его... или он пошел пешком по Рингштрассе... за смертью его посылать.

Служанка в переднике промаршировала из кухни, неся дымящуюся супницу, когда Зигмунд возник в проеме двойной двери. Минна и прежде встречалась со своим зятем, но теперь ей показалось, будто она видит его впервые. Зигмунд вошел в комнату и улыбнулся ей. Он был красивее, чем она помнила, более плотно сложен. Борода и волосы тщательно ухожены, Зигмунд был в костюме из шерстяной ткани в полоску, под жилеткой черный шелковый галстук. На груди – незамысловатая золотая цепочка, принадлежавшая когда-то ее отцу, один конец цепочки, протянутый через пуговичную прорезь, прикреплен к часам, а другой укра-

⁷ Обязательный, диктуемый модой или нормами (*фр.*).

шал жилет. В одной руке зять держал маленькую антикварную бронзовую фигурку, а в другой – сигару. Волосы были густые, черные, слегка посеребренные на висках. Но взгляд! Пронзительный. Темный. Оценивающий.

Минна вспомнила день, когда впервые увидела его – нового воздыхателя Марты. Он стоял на пороге их дома в Вене, бедный еврей, из плохого района города, и семья его не отличалась ни влиянием, ни богатством. Он смотрел на Марту, а Минна – на него. Ступались сумерки, время, когда день и ночь еще не уверены в своей окраске, но вскоре все цвета дня превращаются в черный. Сестра познакомилась с ним месяц назад, но только сейчас, когда визит закончился, между ними что-то определилось. У Марты кружилась голова, когда она говорила о Зигмунде. Но не у ее матери, женщины из distinguished еврейского семейства с корнями в Германии, полагающей, что юный доктор едва ли стоит ее дочери. Однако пара тайно обручилась двумя месяцами позднее. Минна помнила, что необузданная страсть и преследование Марты Зигмундом казались ей тогда какими-то ненастоящими. Словно они разыгрывали воображаемую любовь. Развитие событий озадачивало. Минну, по крайней мере.

Во время первых свиданий Марта почти не говорила. Сестра ее была нежным, хрупким созданием, переполненным надеждой. А Минна оказалась всего лишь версией ее. Тогда она была высока и худа, угловата, волосы вечно в беспорядке. Очень энергичная, разговорчивая, умная. Зигмунд получил то, что хотел, – старомодную душеньку, а не женщину с собственным мнением, готовую ввязаться в серьезный диспут. Роль Минны была определена с самого начала, даже если она этого не понимала. Минна была умной, а Марта – суженой. И вот они, как есть, Марта и Зигмунд: женаты, шестеро детей... женаты, женаты, женаты.

Он постоял, наблюдая за Минной. Она встретила его взгляд – такой же, как раньше, заставлявший ее предполагать, что за ним кроется нечто большее, чем узнавание. Зигмунд пересек комнату и занял место рядом с ней, поставив фигурку перед собой и затушив сигару в маленькой бронзовой пепельнице.

– Минна, дорогая, – произнес он, – чему мы обязаны таким удовольствием?

– Моему увольнению, – ответила она, сдержанно улыбнувшись. – Очередному.

Зигмунд засмеялся, но шутка раскрыла ее положение, которое, учитывая ситуацию, она хотела бы скрыть. Она покраснела, перегнулась через стол и зажгла свечи.

– Минну вытурили? – воскликнул Мартин, и его губы недоверчиво скривились.

– Мартин, придержи язык! – велела Марта.

– Очередному? Ее уволили и раньше? – звонко вступил семилетний Оливер, которого Зигмунд назвал в честь одного из своих кумиров, великого пуританина Оливера Кромвеля.

– Что ты будешь пить, Минна? – спросила Марта. – Швепс? Пиво? Вино? Зигмунд, что бы ты посоветовал Минне?

– Но кто мог уволить Минну? – не унимался Оливер.

– А кем ты работала? – поинтересовался Мартин.

– Довольно вопросов, – сказала Марта. – Ешьте суп. Так вино, милая? Разве не замечательно, что тетушка Минна с нами?

– Да, – добавил Зигмунд, вежливо привстав, пока Минна не вернулась на стул рядом с ним. – Насколько случайно она оказалась здесь? Чему мы обязаны таким счастьем?

– Минна работала на противную женщину, без чести и совести, кровопийцу. Такое сравнение допустимо. Вино – было бы чудесно.

Он посмотрел Минне в лицо, и в его взгляде промелькнула одобрительная искорка. Потом отвернулся и откинулся на спинку стула, скрестив руки, как много лет назад, когда они с Мартой встречались с ним в кафе среди компании друзей. Зигмунд тогда окончил курс неврологии и жил в тесной однокомнатной квартирке от венской Центральной клиники. Жених Минны, Игнац Шёнберг, один из ближайших друзей Зигмунда, тоже являлся частью

их маленькой компании. Он изучал санскрит и философию в университете, и его бурные погружения в детали санскрита бесили Зигмунда, словно пустой вздор.

– Смотрите, этот отрывок называется *Turanga Litia*. Но на самом деле здесь две мысли: *Turanga u Litia*. Первое значит «время», а второе – «игра». Игра времени. Конечно, это еще не все... – возбужденно говорил Игнац.

– Не передашь ли ты мне газету? – насмешливо прерывал его Зигмунд.

Обычно друзья встречались днем, и к ним часто присоединялись Марта с Минной. У каждого из них денег хватало лишь на чашку кофе, и они цедили его часами. Марта в основном слушала, но Минна не могла сдержаться, когда речь заходила о поэзии, о смысле жизни, о декламации из Гёте или Шекспира, о политике и о растущей волне антисемитизма в Вене.

Однажды они спорили по поводу теории Дарвина, словно студенты, стараясь поразить друг друга. Фрейд одолжил Минне свою бесценную книгу «Происхождение видов», которую Игнац уж читал и которая вовсе не интересовала Марту.

– Человек произошел от обезьяны? Чепуха! – кипятился Игнац.

Бедный Игнац.

– Какая близорукость! Ты до сих пор веришь, что земля плоская? – бросила вызов Минна.

– Ты хоть понимаешь, что берешь в жены Катарину? – сказал Фрейд, иронически улыбаясь, сидя так, как сейчас, откинувшись на спинку стула и скрестив руки на груди.

– Катарину? – Марта вопросительно посмотрела на Минну.

– Да, твой обожаемый Зигмунд только что назвал меня мегерой.

– Я не хотел тебя обидеть, дорогая, – отозвался Зигмунд. – Ты же знаешь, как я люблю одну мегеру за то, что она никогда и ни с чем не согласна.

– Я не обиделась, – произнесла Минна, втайне радуясь, что ее сравнили с шекспировской героиней.

– Я полагаю, что данный персонаж несдержан и остер на язык, – заявил Игнац.

– В этом ее прелесть! – откликнулся Фрейд и продекламировал длинный отрывок из «Укрощения строптивой».

Минна и сейчас видела его таким, каким он был тогда в кафе, бросающим вызов каждому. Голова вскинута, подбородок выдвинут вперед, будто его гений требовал борьбы. Уже в те времена Зигмунд был нетерпелив, переполнен случайными, странными мыслями и считался самым умным в компании. Минна держалась позади и позволяла ему главенствовать в разговорах. Но он ждал ее реакции, и все заканчивалось диалогом между ними.

Более того, между ними годами продолжалась оживленная переписка. Причем началась она странно, вскоре после свадьбы. Сначала они только обсуждали книги. Еще будучи ребенком, в семье с шестью сестрами и властной матерью, Зигмунд читал, чтобы не замечать нищету и хаос, царившие в доме. Минна была счастлива, что кто-то считает ее умницей, а не какой-то неуклюжей уткой.

Она помнила первые письма. Они обсуждали «Озерную школу», Вордсворта и Кольриджа⁸. Потом классических мыслителей. Зигмунд мог писать о Гомере и Данте, щеголяя греческим и латынью. У Минны могли быть иные мнения, она оспаривала интерпретации немецких переводчиков. Они любили Диккенса и русских – Толстого и Достоевского. И, разумеется, Шекспира – Зигмунд хвалился, что начал читать его еще восьмилетним мальчиком.

⁸ Условное наименование группы английских поэтов-романтиков конца XVIII – первой половины XIX века, названных так по Озерному краю – месту деятельности ее важнейших представителей: Вордсворта, Кольриджа и Саути.

Он восторгался Шиллером и Гёте, цитируя длинные отрывки из их произведений. Его пленяла античность, исчезнувшие цивилизации, боги, религии, мифы, включая миф о царе Эдипе, к которому он часто возвращался. И к трагедии Софокла «Царь Эдип». Он перевел ее с греческого для выпускного экзамена в гимназии. Зигмунд жаловался на работу врача, на коллег, на постоянные болезни детей, на невозможность бросить курить. Но письма по этому поводу были перегружены деталями, показной трагедией и жалостью к себе:

«Я снова бросил курить... ужасные мучения абстиненции... совершенно не могу работать... жизнь невыносима...»

«Это твоя ахиллесова пята», – отвечала Минна и спрашивала о последних исследованиях. Зигмунд слал ей страницу за страницей с подробностями своего открытия, технике психоанализа и о методике «лечения разговорами». Он хвалил ее, что она внимательна к деталям и вдумчивый читатель его трудов. Минна быстро сообразила, что должна быть осторожна в ответах, поскольку Зигмунд был сварлив и легко обижался.

В последующие годы он попытался привлечь Марту в их литературные дискуссии, но не преуспел. Иногда Минна думала, что у Марты вообще нет никакой активной внутренней жизни. Сестра все реже читала романы и газеты, полагая, что Шекспир непостижим даже в переводах. Исключая сонеты – те ей нравились. Вероятно, как память о четырехлетнем уходе, когда Фрейд слал их ей ежедневно. Тогда у нее были любимые писатели, особенно Диккенс, но, казалось, все исчезло с рождением детей.

Марта вышла из кабинета, неся графин с красным вином, и остановилась, заметив, что мальчишки вышли из-за стола, влезли за диван и устроили потасовку, вырывая друг у друга нечто, похожее на игрушечного солдата.

– Оливер, Мартин, марш за стол! Зигмунд, а где кларет, который стоял на верхней полке? Тот, что твой больной принес тебе вместо платы? Я нашла лишь дешевое столовое.

Он пожал плечами, занятый маленькой статуэткой. Левая рука женской фигурки поднимала копье (которое ныне отсутствовало), а грудь ее обвивала повязка с рельефом головы Медузы. У Зигмунда была странная привычка приносить какой-нибудь антиквариат к обеденному столу и, поставив перед собой, обращаться к нему, словно к воображаемому другу.

«Слава богу, что не вслух», – подумала Минна.

– Первое столетие? – спросила она.

– Второе, Рим, – ответил он. – Афина – богиня мудрости и войны.

– Римская, а не греческая?

– Молодец. Копия греческого оригинала, пятый век до нашей эры, – пояснил Зигмунд, наклонившись к статуэтке.

Марта стояла между ними, наливая сестре вино.

– Танте Минна, – произнес Оливер, – хотите расскажу, что я сегодня выучил?

И пустился в подробное описание географии Дуная, перечисляя все страны, где он протекал.

– Голубой Дунай, который, кстати, никакой не голубой, а скорее грязный, желтый – самая длинная река в Европе, не считая Волги, две тысячи восемьсот пятьдесят километров. Он берет начало в Черном Лесу, а потом течет на запад через Германию, Габсбургскую империю, Словакию, Румынию и Болгарию.

– Замечательно, Оливер, – улыбнулась Минна, предоставляя не по годам развитому дитяте полную свободу изливать неудержимый поток названий и чисел.

Она внимательно слушала, как племянник перечислял города, размышляя, пригодится ли все это ему в жизни.

В какой-то момент все за столом потеряли интерес к его монологу, зато Минна болезненно вовлекалась в наблюдение событий, разворачивающихся перед ней. Интуиция подсказывала, что Оливером дело не закончится.

– Некоторые считают, что его непременно надо пристрелить, – весело пропищал Мартин, – он кого хочешь доведет.

Оливер, не замечая брата, продолжал пламенную и обстоятельную речь, блаженно не ведая, что перешел грань между исчерпывающим и чрезмерным. А тем временем ледники погружались в море, и стволы деревьев выращивали очередное кольцо. Наконец вмешалась Марта:

– У меня сегодня был еще тот денек с одной из наших служанок. Помнишь сестру фрау Жозефины? Брюнетку? Она пришла на замену и сразу уронила один из хрустальных бокалов. О сметании пыли и говорить не приходится. Такая неумеха, что пришлось заставить горничную все переделать. Кошмар. Господи, не нужно быть гением, чтобы догадаться: грязь в доме порождает болезни: холеру, тиф, дифтерию. Правда, Минна?

Та вежливо кивнула и едва заметно поморщилась, зная, что за этим последует.

– О, да, – продолжила Марта, – домашняя пыль содержит грязь с улицы, навоз, рыбу, требуху, клопов, падаль, отходы из мусорных баков и – не слушай, Софи – паразитов.

Марта беспокоилась зря, никто ее не слушал, кроме Минны. Никто никогда не слушал ее бесконечные тирады о грязи. Минна считала себя обязанной проявлять хоть какой-то интерес, но это раздражало, если не сказать больше – ей было стыдно. Оливер пререкался с Мартином, а девочки, склонив головки друг к другу, обсуждали нечто секретное, находившееся под столом. Фрейд взглянул на Минну, его глаза блестели, обнаруживая почти нескрываемое раздражение, когда служанка внесла венское жаркое с тирольскими картофельными фрикадельками и капустой.

– Зигмунд, я полагаю, ты практикуешь успешно? – рискнула Минна сменить тему.

– Весьма, хотя, чем больше пациентов, тем лучше.

– А университет? Марта сказала, что аудитории набиты битком. Герр профессор Фрейд не возражает, если я иногда послушаю тоже?

– Нет, нет, нет, он не профессор, – заметила Марта.

– Спасибо, Марта. Спасибо, что напомнила всем об этом, – сказал Фрейд, лучась улыбкой.

«О боже, – подумала Минна, – зачем я это сказала?»

Она ведь знала, что это большая тема. Последние десять лет Фрейд занимал должность приват-доцента в Венском университете, лектора по неврологии без жалованья, а не профессора. Его выдвигали много раз, но министерство образования всякий раз отказывало ему, а он в отличие от коллег упрямо отказывался использовать политические связи и покровительство влиятельных людей для продвижения по службе. В результате год за годом Зигмунд наблюдал, как его коллеги поднимаются по служебной лестнице, а сам оставался на низшей должности.

– Он был в списке, – объяснила Марта, – учитывая его стаж, он должен был стать следующим.

– Вот именно, давай извлечем на свет божий всю историю: я не получил профессора два года назад, не получил в прошлом году, и вот – снова не получил ее. Хочешь добавить что-нибудь, Марта?

– Да. – Видимо, Марта не заметила растущего гнева мужа. – Если бы ты постарался и стал более приветливым...

– Я плохо воспитан?

– Нет, это не я говорю.

– Тогда кто? Кто вообще вправе сказать так обо мне?

– Люди.

– Вот оно что! – Зигмунд насмешливо улыбнулся, отшвырнув вилку и резко отодвинув стул. – Какие люди? Из больницы? Из университета? Или, может, из твоего портняжного кружка?

– Неужели ты ничего не можешь сделать? – спросила Минна, тщетно стараясь нейтрализовать вскипающий диспут.

– Конечно, кое-что он может сделать: изменить свое поведение.

Минна бросила сестре предупреждающий взгляд. Она знает, когда надо остановиться, или нет? Даже Оливер понимал, когда надо держать рот на замке. Остальные дети хранили молчание.

– Марта, ты говоришь странные вещи. Моя личность никак не связана с продвижением. Это мои теории им не нравятся. На самом деле вся моя научная работа – мои теории. Рано или поздно они признают их научную ценность... Но сейчас... кто знает... в любом случае все они антисемиты.

– Ну, конечно. Мы не должны винить себя, потому что все вокруг антисемиты – аргумент на все случаи жизни, – заметила Марта, обернувшись к мужу. – Но кое-что можно сделать, чтобы облегчить себе путь...

– Например?

– Ты должен... нанести визит... или послать цветы.

– Так вот что ты предлагаешь? Я непременно это сделаю, дорогая. Я пошлю им все цветы на свете. Блестящая идея! Видишь, – обратился он к Минне, будто, кроме них, никого в комнате не было, – вот почему я не обсуждаю с ней свою работу.

Марта мелодраматично, глубоко вздохнула, и этот вздох, как помнила Минна с детства, означал уступку, но не поражение. Потом она подхватила кухонное полотенце и кувшинчик кипяченой воды, который всегда держала около своей тарелки, и принялась яростно оттирать пятно от соуса, капнувшего на скатерть с вилки Софи. Минна молча наблюдала, как сестра драит белую скатерть. Самое время сменить тему, поскольку стало ясно, что война может разгореться с новой силой.

– Марта, – произнесла Минна, изображая беззаботность, – ты, кажется, упомянула, что Мартин написал стихи?

– Да, – кивнула сестра, оставив в покое скатерть и потеряв плечо, морщась от боли. – Мартин, прочитай нам прямо сейчас!

Тот вытащил листок из кармана и торжественно встал со стула:

– Оно называется «Обольщение гуся лисой».

– Ну-ка, посмотрим. – Оливер, ухмыляясь, вырвал листок из рук брата. – Господи, ты пишешь безграмотно. Как можно написать слово «животный» с ошибками?

Оливер вскочил со стула, когда Мартин бросился к нему, яростно пытаясь отобрать листок. Мальчики носились вокруг стола, пока Оливер не скомкал листок и не забросил его подальше. Минна заметила, что Мартин побагровел от унижения. Они с Оливером всегда боролись за первенство. Когда Эрнст находился рядом, Оливер вел себя тихо – башковитый изгой, увлекающийся математикой и абстрактными проблемами. Но теперь, когда амортизатор отсутствовал, он взялся за Мартина, зная, как довести брата.

– Мальчики, достаточно! – сказала Марта и резко встала, придерживая левую руку, которая вдруг начала дрожать, а потом повисла. Она уронила на пол вилку и ухватила за плечо.

– Что случилось? – спросила Минна тревожно.

– Рука не слушается.

– Как? Когда это началось?

– После рождения Анны. Иногда рука просто отнимается. Я принимаю салицил. Зигмунд считает, что это «писательский синдром» *Schreibkrampf*.

- А что это такое?
- Нарушение двигательных функций? – уточнила Марта у мужа.
- Вероятно, – безразлично сказал он.
- Мальчики, немедленно сядьте! И зубы болят тоже.
- Родная моя! – воскликнула Минна.

Мальчики поспешили сесть, придвинув стулья к столу, Оливер самодовольно ухмылялся. Зигмунд достал часы из кармашка и откашлялся.

– Боюсь, мне пора. Должен прийти пациент, – провозгласил он.

– А штрудель? – спросила Марта.

– Позднее. – Зигмунд отодвинул стул и слегка коснулся плеча Минны. – Буду рад видеть тебя на лекциях в любое время.

– С удовольствием, – ответила Минна, польщенная приглашением, и почувствовала, как у нее сильно забилося сердце.

Глава 5

Все дети Фрейдов имели свои особенности, и за неделю Минна разобралась с каждым. Оливер – неудержимый сгусток энергии, Мартин – вечно недовольный смутьян, Эрнст сражался со своей шепелявостью, малышка Софи плохо ела и не могла заснуть даже с ночной порцией касторки и настойки опиума (снадобья, которым Марта, похоже, пользовалась от любой болезни). Братская ревность перемежалась с истериками и редкими проблесками доброты.

Со временем Минна обнаружила, что постоянно мысленно проверяет, кто рядом с ней, а кто скрылся из поля зрения, и где, собственно, могут находиться эти бесенята, а если исчезли, то куда. При этом Марта была на удивление спокойна даже в ситуациях, когда кто-то разбил голову, зажал палец дверью или расквасил нос.

Однажды поздно ночью Софи, дрожащая и босая, на цыпочках пробралась темными коридорами в тесную спальню Минны. Та поспешно спрятала бокал с джином и портсигар под кровать, когда племянница появилась в дверях.

– Огромное зеленое чудовище в моей комнате. А что такое месячные недомогания, танте Минна?

Когда Софи забралась к ней в постель, Минна растерла ей спинку и прочитала из «Алисы в Стране чудес» о гусенице с волшебным кальяном. Ребенок задремал, а завтра Минна взяла сон Софи под свое крыло, заменив опий чтением перед сном.

По контрасту с ребятней, неотвратимой и вездесущей, Фрейд оставался призраком. Его общение с детьми было минимальным, ограничиваясь «Добрый утром» или «Добрый вечером» всем, включая Минну. Они встречались за обедом, а иногда – за чаем в четыре часа дня. Все остальное время он проводил в одиночестве, погруженный в себя, отбывая заточение в университете, консультируя пациентов или просто уединяясь у себя в кабинете.

Когда-то Минна читала, что для одних дети – центр мироздания, для других нет. И для Фрейда большую часть года они не существовали. Во время учебного года дети его не видели почти целый день, а вечера Зигмунд проводил в кабинете, выходя только, когда они уже спали. Минна могла понять это – он придавал огромное значение работе, но летом, на каникулах, Зигмунд становился внимательным отцом, брал их на прогулку, собирал с детьми грибы, катался на лодке. Шутил с ними, рассказывал истории из собственного детства, читал им свои любимые книжки. Однако отношение его к Марте не менялось круглый год, и это тревожило Минну. Его взгляды выдавали раздражение, и Марта, в свою очередь, выработала собственный стиль общения с мужем, изобилующий нюансами. Это была тонкая интерпретация на тему «выживает сильнейший», когти и клюв. Две птицы клевали друг друга, и, как ни прискорбно было Минне признавать, зачинщицей обычно выступала Марта.

Однажды днем Фрейд зашел в гостиную, читая газету. Он снял туфли, и, взяв жестянку с печеньем на кухне, с удовольствием поедая его, рассыпая крошки по ковру. Потом зажег сигару и уселся в любимое кресло, стряхивая пепел в крышку жестянки.

– Сколько пепла, Зигмунд, и крошек полно, – заметила Марта. – Что случилось с твоим большим?

– Не пришел.

– А как с прогулкой?

Фрейд перевернул страницу газеты, игнорируя вопрос. Плечи Марты напряглись, она отвернулась и смотрела в окно.

– Новая экономка опять оставила окно открытым.

– Не закрывай, душно тут, – сказал он.

– Конечно, не закрою, – произнесла Марта, подойдя к окну и прикрыв его. Затем она взяла рабочую корзинку со скамеечки у камина, подвинула кресло к мужу и села вышивать льняную подушечку.

– Что ты читаешь?

– Газету.

Зигмунд явно был не в настроении, давая ей понять, что ее присутствие нежелательно.

– Ты слышал, что Мейеры сняли виллу во Флоренции на август? – спросила Марта.

В раздражении он на секунду отложил газету и прикурил потухшую сигару.

– А потом они собираются в... Как называется это место на Балканах? Очень экзотическое. Марракеш? Нет. Напомни мне, дорогой, как оно называется? – Марта встала и принялась вытряхивать пепел в корзинку для мусора.

– В Константинополь?

– Нет, не туда, – ответила она, демонстративно сметая крошки у его ног носовым платком.

– В любом случае они всегда хоть куда-то едут. В прошлом году ездили в Кале. Или это был Биарриц? Ты идешь вечером на собрание в Бнай-Брит⁹?

– Нет.

– Гертруда рассказала мне, что ты устроил переполох на последнем собрании. А той сообщил ее муж. Что-то насчет твоих исследований? И поэтому ты не идешь туда сегодня?

– Но сейчас я очень занят здесь, если ты не заметила.

– Конечно, заметила, я здесь живу, если ты не заметил. Я предположила, что ты оскорбил их своими работами. Правда, я не понимаю, почему ты вообще обсуждаешь с ними свою работу? О, милый, что это за пятно на стене над диваном?

Зигмунд отложил газету, скептически поглядывая на жену.

– Пятно над диваном, – повторила Марта.

– Ну, так что?

– Его невозможно вывести, наверное, насекомое залетело с улицы.

Он глубоко вздохнул и медленно выдохнул, пока Марта изучала шитье.

– И в комнате пахнет конским навозом.

Зигмунд встал и опустил раму, будто это была гильотина.

– Так лучше? – спросил он.

– Что? Да, милый, спасибо, – с улыбкой стойка ответила она.

Минна не могла предсказать, когда возникнет диалог такого рода... но она могла предположить множество способов закончить его. Зигмунд мог сбросить жену в реку, пырнуть ножом, отрезать ей язык. Или сделать то, что всегда делал, – выйти, чтобы уединиться в кабинете.

Однажды в субботу Минна проснулась, чтобы встретить замечательный, почти весенний день, который после ледяных дождей показался ей неотразимым. Вся округа ожила. Растворились окна, в них залетали звуки проезжающих карет, приглушенные сплетни слуганок, стоящих на тротуаре, и свистки поездов вдалеке. А в доме слышались бесконечные переключки горничных – они шуровали в печках, чистили решетки, драили туалеты, раздвигали шторы и прочищали каминные трубы. Каждому углу и щели в доме уделялось внимание перед завтраком.

Минна, как обычно, решила поглядеть на самую младшую. Анна спала в колыбели, в молочно-белой рубашонке, отороченной кружевами и лентами. Но перед рассветом ее редкие крики стали гневными, плач то усиливался, то затухал. Когда Минна поднялась, чтобы

⁹ Известная еврейская общественная организация.

заняться ребенком, она услышала шаги няньки в коридоре, потом открылась и закрылась дверь. Удивительно, что голос младенца может тревожить и успокаивать одновременно.

Стены в детской были чисто выбелены, как и положено (стерильность – лучшая защита от инфекций), обстановки кот заплакал, потертый китайский коврик посреди комнаты казался избитым до полусмерти. В книге «Домоводство» рекомендовалось выбивать детский коврик по крайней мере раз в неделю.

Затем Минна заглянула к Мартину – единственному ребенку Фрейдов, у которого была отдельная комната. Мальчик, сражавшийся с ангиной, сидел за столом, задушенный двумя свитерами и шерстяным шарфом. Как только Минна вошла, он ссыпал пригоршню игрушечных солдатиков в ящик. По полу была разбросана вывернутая наизнанку грязная одежда, книги с переломанными хребтинами валялись кучей в углу, обертки от печенья и грязная посуда захламляли прикроватную тумбочку. «Какой свинарник!» – подумала Минна.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она.

– Я пытаюсь заниматься, – ответил племянник, демонстративно выжидая, когда тетка выйдет.

– Да уж, я вижу, – улыбнулась Минна, открыла ящик и извлекла оттуда игрушечных солдат. – Французская пехота? Это хорошо. Знать историю необходимо.

– Согласен, – кивнул Мартин. Глаза у него были чуть воспаленные, но огромные и дружелюбные.

– Но так же необходима и арифметика, а ты, говорят, в ней плаваешь.

– Кто говорит?

– Какая разница?

– Кто? Скажи мне, – настаивал ребенок, – ничего я не плаваю.

– Ну, хорошо, хорошо. Тогда продолжай в том же духе, – сказала Минна, подняла с пола тетрадь по математике и протянула ему.

Он неохотно взял тетрадь, натужно закашлялся и вернулся в кровать.

– Я принесу тебе свеженького супчика и то печенье, которое ты любишь.

Когда Мартин забирался в кровать, Минна увидела разбитые пальцы, ободранные колени и уже выцветшие синяки на шее. «Вечно все не слава богу с этим ребенком! Что ни неделя, то драка». Она решила не замечать небольшую вмятину на оштукатуренной стене, по форме подозрительно напоминающую отпечаток кулака.

Самая старшая, Матильда, десятилетняя уменьшенная копия матери, развалилась в гостиной на лучшем диване Марты, положив ноги в грязных ботинках на бархатную подушку. Когда Минна вошла в комнату, ее допрашивала гувернантка фрау Шиллинг, пожилая дама с хронической аллергией и постоянной одышкой, которая с шокирующей регулярностью принимала в качестве лекарств слабительное и настойку мака. Дама прибыла рано утром, это было карой для Матильды за отказ заниматься на прошлой неделе. Все дети Фрейдов учились дома, но в основном из-за страхов Марты перед инфекциями.

– Назови годы царствования Леопольда Первого, – нудела гувернантка, промокая платком слезящиеся глаза.

– Я не знаю, – отвечала Матильда, умирая от скуки и крутя бахрому подушки.

– С одна тысяча шестьсот пятьдесят седьмого по одна тысяча семьсот пятый, – произнесла фрау Шиллинг, нетерпеливо вороша страницы. – А в каком году он спас Вену от турецкой угрозы?

– Я бы не сказала, что он действительно спас Вену, – усмехнулась Минна, подвигая стул и попутно сбросив ботинки Матильды с подушек. – Я знаю, что говорят о Леопольде, как о великом воине, но в действительности его не было в городе, когда началась эта чертова война, и вернулся он, когда опасность миновала.

Матильда смерила тетку взглядом и положила ноги обратно на подушки.

– И где же он находился? – спросила она.

– В Линце.

– И что там делал?

– Не знаю. Может, гостил у своего кузена – графа или у одной из многочисленных любовниц. Пожалуйста, убери ботинки с подушек.

Матильда сняла ботинки, бросила их на пол и закинула ноги в чулках на подушки.

– Когда проходила Пятнадцатилетняя война? – Фрау Шиллинг нахмурилась, концентрируясь на исторических конфликтах и игнорируя конфликт у себя под носом.

– О, это же Долгая война, когда турки взяли Венгрию... – начала Минна.

– Извините, фройляйн Бернайс. Это не урок, сегодня у нас одни даты.

– Да, сегодня у нас одни даты, – сказала Матильда, передразнивая насморчный прононс гувернантки.

Минна невозмутимо встала, подняла ноги Матильды, точно это были две чугунные гири, и уронила их на пол. Племянница вспыхнула от ярости, рванув колючий высокий воротник, который вцепился ей в шею, будто клешня. Затем Минна пустилась в подробное изложение событий вторжения турков в XV столетии, в описание ужасной варварской войны, решающему эпизоду истории средневековой Австрии, который в итоге привел к длительному царствованию Габсбургов и созданию Австрийской империи в тысяча восемьсот четвертом году.

Матильда сидела насупившись, но молчала, уголки рта опустились, сложившись в гримасу угрюмого отторжения. Сразу после того как Минна описала битву при Кёнигграце, приведшую к освобождению герцогств Шлезвиг и Гольштейн, племянница вскочила, сбросила атласную подушку на пол и вышла, хлопнув дверью.

– Я думаю, это все на сегодня, фрау Шиллинг, – произнесла Минна.

– Ребенок упрямый, никого не уважает и никогда ничему не научится.

– Наверное, это просто переходный период, – ответила Минна, вдруг ощутив себя матерью-защитницей, несмотря на вызывающее поведение дитяти. – В этом возрасте все такие.

Она решила поговорить с Мартой о Матильде, хотя полагала, что посредственность фрау Шиллинг с ее методом обучения так же оскорбительна, как и ее бесчувственное, высокомерное поведение. Кто не знает, что девочкам в этом возрасте нужно тепло и внимание, несмотря на то, что они бывают неуправляемы и капризны?

День шел своим чередом: поручения по хозяйству и забота о детях. Вторую половину дня Софи провела с логопедом, мальчики должны были заниматься, хотя ежеминутно отвлекались в зависимости от настроения или желаний. Сегодня, похоже, самым несобранным был Оливер. Мозги его были забиты мрачными легендами времен варварства, предполагалось, что он зубрит основы обществоведения, а он мог вдруг пуститься в бесконечный поток описаний кровавой резни, в результате чего Минна еле сдерживалась, чтобы не расхохотаться.

Затем Мартин. Когда она принесла ему печенье, то заметила, что в дополнение к простуде средний палец на левой руке его был согнут так, что следовало обеспокоиться. Но когда тетя попыталась рассмотреть палец внимательнее, племянник спрятал руку за спину и убежал.

Марта сообщила, что скоро должна идти к врачу – снова дали о себе знать желудочные колики, разлилась желчь, и вообще она чувствует себя неважно. Самое время, поскольку Минна слышала приглушенное шебуршение за плинтусом в кухне, но скорее умерла бы, чем сказала сестре, что в доме, вероятно, завелась крыса. Марта объявила бы на кухне бессрочный карантин, и им недели две пришлось бы выслушивать жуткие истории о «черной смерти» – чуме. Минна просто поставит пару ловушек, и этого будет достаточно. Но все-таки это был не ее дом.

Впервые поселившись на Берггасе, 19, она полагала, что это ненадолго. И даже сейчас, обычно к вечеру, прекращала беготню по дому и обдумывала свое будущее, кружа над бесплодными возможностями, будто гриф над падалью.

Минна могла бы плюнуть на гордость, сесть в поезд и уехать в Гамбург, чтобы жить с матерью. Боже упаси! В лучшем случае их отношения можно было бы описать, как холодные, и зависеть от нее было немыслимо. Или она могла бы опять пойти в гувернантки или компаньонки. Но это снова бессмысленный труд раба с ужасным расписанием на всю неделю и половиной дня выходных в воскресенье после двенадцати. Хотя таким образом она сумеет содержать себя.

На этом месте рассуждений виски начинали пульсировать, и, опасаясь, что начнется мигрень, Минна безмолвно исчезала в кухне и заваривала чай, наблюдая, как кружатся чайники на дне чашки.

Куда еще податься? Был брат Эли, который эмигрировал в Нью-Йорк. Можно попросить его одолжить ей денег до Нью-Йорка, но начать все сначала в другой стране без мужа и друзей страшно.

А Марта полагала, что Минна должна устроить свою судьбу с пожилым холостяком или вдовцом, выбранным семьей. С тем самым, с которым она познакомилась прошлой зимой. Хорошо одетый, в сюртуке, с сигарой, украшенной золотым ободком. Или с другим – грузным торговцем галантереей, с восковой бледностью и венозными руками. Он был лет на двадцать старше, медлителен и упрям, зато богат. В любом случае брак по расчету, размышляла Минна, браком считаться не может. Она знала женщин, вышедших замуж по выбору семьи за «весьма респектабельного», выбранного наудачу человека.

Кто-то, конечно, возразит, что ничего нет плохого в том, чтобы жить в удобном, хорошо обставленном доме, с каретой и двумя лошадьми, с часто обновляемой одеждой и человеком, который за все это платит. Минна вспомнила подругу детства Элзи – хрупкую, пугливую, бессловесную девушку, купившую пистолет утром после брака по расчету. Она зарядила его, спрятала под накидкой и поехала на вокзал, где просидела весь день, обдумывая самоубийство. Вскоре все-таки вернулась домой и спрятала заряженный пистолет в тумбочку у постели. Элзи призналась Минне: она предупредила мужа, чтобы тот больше никогда не появлялся в спальне. И он не появлялся.

Вот если бы Минне стать более неприятной с годами и менее деятельной, она бы не оказалась в таком положении. Но сейчас надо постараться не падать духом и какое-то время пожить здесь, чтобы разделить с сестрой ее тяжелую ношу.

Глава 6

В три часа дня Минна уселась на ступеньках в коридоре. День ее измучил, ноги гудели. Она отчаянно хотела уйти из дома. Каждый звук снаружи манил – четырехчетвертное стакато копыт лошадей, влекущих кареты, звонки трамваев, приглушенные разговоры пешеходов. В конце концов она подошла к фрау Жозефине и предложила ей повести здоровых детей в зоопарк. Плату там не брали, к тому же императорский зверинец расширился, появился загон для бизонов. Дневная служанка может присмотреть за Мартином и Анной.

Когда все устроилось, Минна решила пройтись. Она напудрилась и слегка нарумянилась, коснувшись пуховкой шеи и горла, капнула пару капель розовой воды на руки, застегнула доверху серый плащ и закрепила шпильками украшенную перьями шляпу. Она собиралась пройти к Пратеру¹⁰ и заглянуть в городскую библиотеку, поскольку ей не терпелось взять несколько приличных книг, но когда она шла через вестибюль, то услышала голос Фрейда:

– Это ты, Минна?

– Да, Зигмунд. Я ухожу. Тебе что-нибудь надо?

– Нет, но я тоже подышал бы воздухом. Можно с тобой?

– Конечно, – ответила она, слегка поколебавшись.

Фрейд подхватил пальто, шляпу и последовал за ней на улицу, вдыхая всей грудью, будто свежий воздух был пропитан ароматическими веществами. Минна призналась себе, что ощутила неловкость, когда он обычным жестом взял ее под руку, будто они супруги и вышли прогуляться. Она отстранилась под предлогом, что нужно поправить шляпку, и опять подумала, что не понимает, почему ей неудобно находиться рядом с Зигмундом.

Однако день сиял великолепием, и Минна наслаждалась им от души. Она не сказала Зигмунду, куда собиралась пойти, а он не спрашивал. Зигмунд стремительно вел ее через лабиринты заполненных людьми узких улиц, ведущих к Рингштрассе, минуя кварталы высоких жилых домов, магазины с приоткрытыми дверьми и кафе, где владельцы вытирали столы и ставили стулья. Повозки и кареты наводнили проспекты, готическая башня собора Святого Стефана, сердца столицы, была окутана романтическим свечением.

Фрейд ускорил шаги, и они приблизились к центру. Он вынул из жилета сигару и, отрезав кончик, зажег. Потом потянул Минну в узкий проулок. «Почему бы не идти медленнее?» – подумала она. Он мчался, петляя, как беглец. Густой румянец покрыл ее щеки в попытке угнаться за ним. Минна слишком тепло оделась сегодня. Обычно она носила девять-десять слоев одежды: панталоны, корсет, шерстяные чулки поверх хлопчатобумажных, хлопковый корсаж, нижнюю юбку, лиф, блузу, юбку, пальто. И высокие ботинки, чересчур тесные, созданные для женщин без пальцев на ногах.

Как может человек так нестись и так много курить? Они остановились перед греческой колоннадой парламента. Минна наклонилась, отстегнула верхние пуговицы на ботинках и быстро выпрямилась, не обращая внимания на головокружение.

– Видишь? – спросил Зигмунд. – Эта венская версия Акрополя – модель новой больницы для душевнобольных. Что ты думаешь?

– Ну, это...

– Полная пародия!

Он имел в виду Ам-Штайнхоф – психиатрический госпиталь, который возводился в нескольких милях от города. Зигмунд рассказал Минне о шестидесяти корпусах для паци-

¹⁰ Общественный парк и зона отдыха в Вене.

ентов с различными болезнями – излечимыми, неизлечимыми, для полупомешанных, для больных с неврозами, для буйных, сифилитиков и уголовников.

– Вдобавок планируется провести трамвай, разбить сады, построить свинарник, конюшни, часовню и, конечно, кладбище. А современного там – лишь архитектура, лечение старо, как мир, просто иной вид тюремного заключения.

– А твои коллеги участвуют?

– Нет. Всем заправляет какой-то американец Бриггс. Бесконечное финансирование цемента, и почти ничего для неврологических исследований.

Он объяснил, что в заведениях подобного рода, если пациент уже заклеен как «хронический сумасшедший», с ним может случиться что угодно. Доктора могут, не задумываясь, удалить любую часть тела, если полагают, что это и есть причина болезни, – щитовидку, зубы, миндалины, часть мозга. Они ставят больных под душ, чтобы излечить депрессию, заражают малярией слабоумных, неделями держат несчастных в ванне. И пичкают их опиум, барбитуратами, бромидами и слабительным.

Минне его обвинения казались слишком мрачными – все-таки это прогресс по сравнению со Средневековьем, когда пациентов в лечебницах приковывали к стенам или держали в комнатах, похожих на пещеры с маленьким окошком для пищи. Она даже слышала истории про «воскресные зрелища», когда зеваки платили охране, чтобы посмотреть на слабоумных в естественной среде обитания.

Она сказала, что имеет кое-какое представление о современном лечении психических больных.

– Мою последнюю хозяйку, баронессу Вульф, лечили от депрессии электротерапией Эрба. Я наблюдала, как пропускали ток сквозь разные части тела. Зрелище малоприятное.

– Ага, аккумуляторная.

Минна помнила тошнотворный запах хлорки и спирта, доносившийся из приоткрытой двери в комнату, где под стеклянным куполом сверкали блестящие медные диски огромных электрических разрядных устройств. На стенах висели все виды диковинных аппаратов, используемых для шоковой терапии тяжелобольных пациентов, страдающих необычными психическими расстройствами. Минна полагала, что это ужасно, но устроилась на стуле в приемной рядом с женщиной, чьего сына только что поместили в лечебницу. Он поджег диван, утверждая, будто внутри прячется его отец.

– Я жаловался много раз, возражая против подобного лечения, – произнес Фрейд, – поскольку я убежден, что терапия Эрба не помогает больным с нервными расстройствами, максимум – дает частичное улучшение. И как чувствует себя твоя хозяйка?

– Она застрелилась.

– Серьезно?

– Нет, но хотелось бы, – сказала Минна с кривой усмешкой, будто они смеялись шутке, известной только им двоим.

Фрейд посмотрел на нее, следя за мимикой, его глаза сузились.

– На самом деле электротерапия и иные варварские методы просто не работают. Когда я учился в Париже у доктора Шарко, самым лучшим средством считалась гипнотерапия, но вскоре я осознал, что и она малоэффективна.

Минна помнила, что десять лет назад Фрейд ездил в Париж учиться у знаменитого французского невролога.

– Я всегда думала, что утверждения о целительности гипноза притянуты за уши, – заметила она. – Но, по крайней мере, ты пожил в Париже.

– Да, только и пользы, – улыбнулся он. – Вначале казалось, что гипноз работает. Мы вводили больных в транс и получали обнадеживающие результаты. Но со временем выяс-

нилось, что мы выдавали желаемое за действительное. Не всякого больного можно загипнотизировать, некоторые просто не поддаются внушению. Ты, например, как я полагаю.

– Почему ты так решил?

– Просто догадка. Может, попробуем как-нибудь? – предложил он и нежно положил руку Минне на поясницу, помогая обойти лужу. – В любом случае, даже когда лечение было эффективным, симптомы обычно повторялись. И это ввергало в уныние. Здоровье больных почти не улучшалось. Ночные кошмары, глухота, дефекты речи, паралич – множество симптомов. Но когда я вернулся в Вену, то обнаружил, что наиболее эффективный терапевтический метод находился у меня под самым носом. Необходимо заставить пациента рассказать о себе.

– Честно говоря, Зигмунд, это звучит настолько просто, даже не верится, что результаты могут быть столь потрясающими.

– Да, в теории это просто, но на практике сложнее. Мои коллеги имели дело с истерией, с точки зрения неврологии, и зашли в тупик. Я же наблюдал больных, сражающихся с депрессией, бредовым состоянием, сменой настроения, фобиями и маниями, – и тоже ничего не помогало. Но когда я просил пациентов лечь на кушетку и вспомнить прошлое – жестоких отцов, равнодушных матерей, детские травмы, все, что проникло в их подсознание помимо цензуры сознания, – застарелые тревоги и самые жуткие воспоминания извергались из их нутра. Затем, снимая кожуру слой за слоем, наблюдая, интерпретируя и догадываясь, можно открыть, что вызвало симптомы. И таким образом искоренить их.

– Зигмунд, это похоже на катарсис. Освободить больного, заставив его обсуждать прошлое.

– Именно, кушетка – моя лаборатория.

– А можно я на минуту позволю себе выступить в качестве адвоката дьявола? – спросила Минна, подняв указательный палец.

Фрейд снисходительно улыбнулся. В конце концов, этим-то она ему и нравилась.

– Почему они соглашаются лечь и беседовать с незнакомым человеком, посвящая его в свои самые интимные мысли, страшные секреты и даже извращения?

– Люди, которые на протяжении многих лет испытывали сильные боли, сделают все, если уверуют, что это поможет. И как только они начинают говорить, то не могут остановиться. Их воспоминания овладевают ими, и они начинают понимать то, что подавлялось долгие годы. В темных закоулках человеческой жизни тоже есть смысл, и в этом смысле заключена надежда.

Минне хотелось, чтобы Зигмунд продолжил разговор. Она хотела услышать о его пациентах. Конкретные примеры. Конкретные результаты. Сказать ему, что его открытия чрезвычайно значительны и гуманны. Ведь если Зигмунд прав, то прежнее лечение устарело. И ему подвластно изменить ход истории.

– Хорошо, когда есть с кем поговорить, – произнес он, пристально глядя на нее. – С тем, кто понимает. Мои коллеги считают, что я отправился в поход на ветряные мельницы. Так думает и Марта.

Ураган женщин в кринолинах пронесся мимо, отбросив их в сторону, следом прогрехотал омнибус, а затем двуколка заглушила голоса пешеходов вокруг них. Минна смотрела, как Фрейд вынимает еще одну сигару из кармана. Он закурил, а она наблюдала за группой студентов, бесцельно бродившей по парку через дорогу.

Голова у Минны шла кругом, но она не решалась сказать больше. Смущенно наклонилась, чтобы снова поправить ботинок. Теперь ее донимала водянка на лодыжке. Минна села на ближайшую скамью, пытаясь ослабить причиняющие боль шнурки. Фрейд глядел, как дневной свет нежно переливался в ее волосах.

– На что ты смотришь? – спросила Минна.

– На тебя.

Глава 7

Несколько дней спустя, пока детьми занималась гувернантка, Минна решила посетить лекцию Зигмунда в университете. В конце концов, он сам ее приглашал, и хотя больше не упоминал об этом, она не сомневалась, что приглашение в силе.

Венский университет в пятнадцати минутах ходьбы от дома, и она вполне успеет, если не станет задерживаться. Минна пересекла окаймленную деревьями Рингштрассе, возле здания парламента свернула за угол и пошла мимо неоготических зданий престижного квартала неподалеку от ратуши. Было все так же не по сезону тепло, и, пока она добралась до университета, ее платье взмокло от пота, а шляпка съехала набок.

Несколько минут Минна бродила по студенческому городку, разыскивая медицинский факультет. Массивные университетские здания будто нарочно внушали ей страх своими громадными размерами. Особенно пугали гигантские претенциозные скульптуры персонажей греческой мифологии, установленные повсюду во славу сего благородного центра либерального образования. Пришлось подойти к группе студентов, чтобы спросить дорогу, и вскоре Минна нашла нужное здание. С трудом отворив тяжелую дверь, она собралась с духом и поднялась по лестнице в лекционный зал на втором этаже. Когда она вошла, Фрейд уже начал лекцию.

Аудитория была набита до отказа. Молодые люди стояли даже в проходах, многие были в темных сюртуках и ермолках. Общеизвестно, что большинство студентов-медиков были евреи, как и венские врачи. Кстати, личный врач императора вместе с Фрейдом состоял в организации Бнай-Брит, к ней же принадлежал и главный военный хирург Австрии.

Фрейд стоял на подиуме, его голос эхом разлетался по залу. Он казался расслабленным и даже веселым. Фрейд не обладал ни властным голосом, ни какой-то особенно внушительной внешностью. И все же, когда он говорил, Минна испытывала на себе его странный, поразительный магнетизм. Она заметила, что сейчас Зигмунд остроумнее, увереннее, и речь его исполнена неодолимой силы, словно воскресная проповедь евангелического священника. Лекция только началась, а студенты уже отложили конспекты, замороженные его анекдотами и шутками, которые, скорее всего, потом будут неоднократно пересказываться в кафе. В ее глазах он был великолепен.

– Мне вспоминается одна пара, кажется, я уже упоминал о ней. Эту семью терзали разнообразными противоречивыми чувствами и ошибочно интерпретируемые сигналы. И вот после недели общения с ними мне казалось, что мы совершили некий прорыв, но тут, – он сделал мелодраматическую паузу, – жена заявляет мужу: «Когда кто-то из нас умрет, я уеду в Париж».

Под дружный хохот студентов Минна пробиравалась по залу, ища свободное место.

– Но я отвлекся. Как мы уже говорили на прошлой неделе, невроз есть прямое следствие отклонений в сексуальной жизни, и я считаю, что сексуальная подавленность является ключом к пониманию как невротических расстройств, так и человеческого поведения в целом.

Кто-то хихикнул. Теперь Фрейд приступил к изложению сути своего доклада под названием «Исследования истерии», посвященного сексуальной подавленности и ее воздействию на человека.

– Господа, я собираюсь спровоцировать у вас удивление. Такова моя цель.

Он считал, что в совершенстве владеет собой, но его лицо живо реагировало на малейшие перемены настроения. То Фрейд сверлил студентов свирепым взглядом, то веселился и словно обнимал аудиторию, посвящая ее в некое заветное знание.

– Мы не способны противостоять травматическим воспоминаниям нашего прошлого, воспоминания эти неизменно имеют сексуальную природу. Самые впечатляющие наши достижения запятнаны животной сущностью нашего естества. Такова наша судьба. И если вы сочтете, что это открытие, сделанное мной в одиночку, открытие мрачное, то будете совершенно правы. Уничтожающая сила, лежащая в основе моей теории, воздействием своим сравнима с эпидемией чумы.

Студенты заерзали на стульях, улыбаясь. Они уже привыкли к гиперболам Фрейда.

– Мы, человеческие существа, инфицированы нашим прошлым. Сложность для вас, друзья мои, состоит в том, чтобы понять эту революционную теорию и использовать ее в будущем для исцеления многих пациентов с ошибочным диагнозом.

Минна улыбнулась украдкой. Эта определенность пронизывала его письма к ней многие годы. Предвечернее солнце сочилось сквозь длинные узкие окна, Минна освободилась от тяжелого пальто и стянула серые кожаные перчатки. Стараясь быть незаметной – дело нелегкое, ведь на медицинский факультет принимали только мужчин, – она держала пальто в одной руке и сумочку в другой и, вытягивая шею, пыталась высмотреть свободное сиденье. Молодой человек слева заметил ее и, удивившись поначалу, вежливо встал и предложил ей свое место. Минна поблагодарила и села, избавившись наконец от широкополой шляпы с пером (наверное, для такого случая она выбрала не самый удачный головной убор). Ей не хотелось толкаться в проходе, создавая суматоху. И так уже студенты начали перешептываться о том, что «в классе дама». Фрейд продолжал рассказывать о происхождении своей теории.

– Все началось с пациентки по имени Анна О. двадцати одного года, дочери состоятельной четы из Вены, которая обратилась к моему коллеге, доктору Йозефу Брейеру по поводу необъяснимого паралича правой руки. Несколько недель спустя симптомы усугубились. Постоянный кашель, онемение в конечностях, бред и даже неспособность говорить на родном языке. Доктор Брейер диагностировал истерию и применил лечение гипнозом, но оно не подействовало.

Зигмунд говорит так же, как писал Минне в своих письмах – ясно, убедительно, очень подробно, и, к ее удивлению, он ни разу не заглянул в свои записи.

– Анну посещали глубоко трагические, но прекрасные фантазии и болезненные дневные сновидения. В одном из них змея пыталась напасть на ее больного отца, когда Анна сидела у его постели. Она попыталась убить змею, но не смогла двинуть правой рукой. Пальцы превратились в маленьких змеенышей, а потом всю руку парализовало. А теперь я расскажу вам суть открытия, – объявил Фрейд, спускаясь с подиума.

Он явно смаковал свое влияние на слушателей. В аудитории воцарилось молчание, его низкий баритон эхом отражался в обшитых деревом стенах.

– Анна начала пересказывать свои сновидения и преследующие ее страхи по-английски, но все я вам пересказывать не стану, не дождетесь, – произнес Фрейд, отмахнувшись от засмеявшихся студентов. – Потом ее симптомы ослабли и практически исчезли. В чем причина исцеления? Истерики страдают от своих воспоминаний. Воспоминаний о трагических происшествиях, случившихся в глубоком детстве и, повторюсь, имеющих сексуальную природу. Но рассказы о них, или, как очаровательно назвала это Анна, «прочистка дымохода», помогают изгнать демонов.

Минна представляла, до чего нелепой поначалу может показаться теория, утверждающая, будто невроты возникают на сексуальной почве. Но теперь, выслушав его аргументацию, она была заинтригована. А Фрейд перешел к анализу других случаев и теорий.

Минна понимала, что он оттачивает свое мастерство общения с аудиторией, в огромной степени опираясь на литературу, философию, науку, осознание различия полов и таинства взаимоотношений между людьми. Он был далеко не красавцем, но когда говорил, его

слова и жестикуляция подкупали и притягивали, вызывая восторг, заставляя сердца молодых людей биться сильнее. Минна видела это по их глазам. В воздухе витала атмосфера творчества, Фрейд открывал перед слушателями новые возможности, оригинальные способы мышления. Заставлял их смеяться. Их завораживали его странности, противоречивый нрав и... величие.

Воздух становился совсем спертым в этом мужском святилище. Минна стянула шаль. Она бросила взгляд на кафедру, и Фрейд улыбнулся, кивнув ей. Она поймала его взгляд. Как ей хотелось заморозить в своем сознании это неожиданное и тайное удовольствие. Лишь на мгновение встретились их глаза, но ей показалось, будто это заставило его умолкнуть. Огромный лекционный зал, заполненный студентами, вдруг стал для нее таким же уединенным, как небольшая комната, где накрыт обеденный стол на двоих.

Лекция длилась два часа. Фрейд описывал встревоженных пациентов, которые приходили к нему с травматическими историями о сексуальных фантазиях, сновидениях и чувством вины за недопустимое поведение. Рассказал о юноше, имевшем связь с проституткой и проявлявшем впоследствии неестественные, параноидальные симптомы. О молодой женщине, подвергшейся нападению со стороны отца и страдавшей истерией и нервными срывами. О людях с параличом конечностей, нервным кашлем, головными болями, речевыми расстройствами, ужасающими галлюцинациями. Количество симптомов и психических состояний, возникших в результате сексуальной травмы, просто поражало. Больные были настолько возбудимы, что им приходилось прописывать хлоралгидрат, морфин и хлороформ от бессонницы, или же им надевали металлические браслеты на руки и на ноги и подвергали электротерапии.

После лекции Минна наблюдала, как студенты, многие из которых казались такими юными, что вполне бы сошли за хористов из «Венского хора мальчиков», проталкивались вперед и, окружив Фрейда, засыпали вопросами. Временами зал оглашали взрывы хохота, а Минна медленно двигалась к задней двери. Она была уже почти у порога, спиной к подиуму, когда почувствовала на себе чей-то взгляд.

– Фройляйн Бернайс, – позвал Фрейд, и звук его голоса внезапно покрыл гомон в зале, – не будете ли вы так любезны задержаться на минутку?

Минна обернулась и кивнула. Она уже надела пальто, перчатки и шляпу, и ей было неловко и жарко. Стоя у дверей, она переминалась с ноги на ногу. Фрейд сошел с подиума, закулив сигару, и едкий запах дыма потянулся в ее сторону.

– Надеюсь, я не заставил вас скучать...

Мгновение Минна колебалась, высказывать ли свои впечатления, но потом, как обычно, решила ковать железо, пока горячо:

– Вы полностью владели залом, студенты вас обожают, должна признать, но к вашему утверждению, что все проявления истерии возникают на сексуальной почве, они отнеслись... несколько скептически.

Он окинул ее оценивающим взглядом.

– Нет, моя дорогая. Я сказал вовсе не это. Первопричину истерии надо искать в сексуальности.

– Наверное, я прослушала.

– В это трудно поверить, – усмехнулся Фрейд.

– Во всяком случае, вы же не станете отрицать, что порой истерии возникают в результате страха, смерти или отказа.

– Я достаточно ясно изложил свои доводы.

– Видимо, я запуталась, – промолвила Минна, и слова ее прозвучали не так уверенно, как она хотела. – Тот ваш больной – двенадцатилетний мальчик, который отказывался есть...

совершенно ясно, что он подвергся насилию. Причину и следствие легко сопоставить. Но в других случаях будет сложно найти связь.

– «Сложно» не означает «невозможно».

– То есть исключений никаких?

– Никаких, достойных внимания, – ответил Фрейд, наклоняясь к ней поближе. – Кое-кто скажет, что я стою на позиции доктрины.

– Вероятно.

– И он будет... что? – игриво спросил Фрейд.

– Неоправданно суров, мой друг.

– Правильный ответ.

– Я так и думала, – улыбнулась она, собираясь уходить.

– Подожди! – попросил он, как-то странно глядя на нее.

Минна ждала, что Зигмунд добавит еще один пункт для подкрепления своей аргументации, но вместо этого он спросил, не будет ли она свободна сегодня ближе к вечеру. Минна удивленно приподняла брови, но тут же вспомнила, что этим вечером, как и всеми прочими субботними вечерами, Фрейд играет в тарок¹¹ с тремя коллегами по больнице. Один из партнеров заболел и в последний момент прислал свои сожаления и извинения. Очевидно, у него случился не просто кашель, а осложненная бронхиальная инфекция.

– Собственно, друг мой, это Марта предложила. Она напомнила мне, как ты ловко управляешься с картами и легко могла бы заменить недостающего игрока.

Минна припомнила, как в студенческие годы они играли в карты за столиком в кофейне.

– Это было сто лет назад...

– Но я помню, как вы нас просто разгромили однажды.

– Только однажды?

– Ну, хорошо, несколько раз.

Фрейд вернулся к нетерпеливо ожидающим студентам, а Минна отправилась домой. Несколько недель назад она была в полном смятении, влача одинокую жизнь с краденными удовольствиями. Работала в стольких домах, совершенствуя умение припрятывать еду или выпивку, читая ворованные книги и ссорясь с домашней прислугой, не упускавшей возможности вставить ей палки в колеса. Теперь же Минна была свободна и жила со своей семьей. Перебегая Рингштрассе, она ощутила прилив оптимизма. Пусть это не навсегда, но сейчас ей так необходима передышка.

¹¹ Карточная игра.

Глава 8

Карточная игра всегда проходила одинаково. Почти обряд. Ровно в семь часов доктор Эдвард Сильверштейн звонил в дверь, и слуга сопровождал его в маленькую гостиную, где он, дружески похлопав Фрейда по плечу, сразу направлялся к столу с закусками. На него всегда можно было рассчитывать, чтобы создать уютную обстановку обжитой комнаты, и на сей раз он сразу потянул с серебряного подноса огромный кусок торта Захера, обильно кроша на ковер.

– Как дела, Зигмунд? – спросил Эдвард, садясь в кресло.

Вытянув ноги, он извлек из жилета слегка помятую бледно-бурую сигару марки «Мария Манчини» и уставился на нее в восхищении, будто разглядывал женщину.

– Вот благородное, изящное тело, которое я люблю, – сказал доктор Сильверштейн с очаровательной улыбкой. Он зажег сигару и затянулся с преувеличенным удовольствием. – Ах, капризная, но сговорчивая, – добавил он, перелистывая газету.

Фрейд добродушно кивнул коллеге, единственному холостяку в их компании, но все-таки провозгласил преданность своей толстой, простоватой «Трабуко».

– Не так легкомысленна, не столь темпераментна... с ровной, надежной затяжкой. Можешь оставить себе своих «Марий». Нет, с ними слишком много возни.

Доктор Иван Скекель явился вторым, снимая побитое ветрами пальто с обычными извинениями за опоздание – переполненные omnibusы, жена, опухшие суставы и прочее. Он разгладил квадратную бороду, расправил шерстяной жилет на объемистом животе и тоже направился к столу с закусками, чтобы откупорить бутылку вина. Новый гость уже собирався зажечь за компанию третью сигару, когда дверь отворилась, и в комнату вошла Минна.

Она переделалась в белую, отороченную кружевами блузу, приоткрытую на шее, набор гребней украшал волосы, собранные в нежные волны, от нее исходил тонкий аромат лавандового мыла. Минна помедлила, смущенная тем, как взгляд Фрейда блуждал по ее лицу. «Интересно, видит ли он?» – подумала она. Видит ли он ее напряженные плечи, разругавшиеся щеки и то, как тщательно она накрашена?

Зигмунд всегда заметно преображался при ее появлении. Его пристальный, ясный взгляд смягчался, спадало постоянное напряжение. Он брал Минну за руку, шептал приветствие и снова смотрел в лицо долгим взглядом. Неужели эта интимность – плод ее воображения?

Чуть раньше, когда она переодевалась, сестра была сама неземная доброта, словно мать, собирающая дочь на бал. Тогда почему Минна ощущала, что делает за спиной Марты нечто неподобающее? Если ей нечего скрывать, почему она чувствует себя виноватой?

– Позвольте мне представить вам мою свояченицу, фройляйн Минну Бернайс, – произнес Фрейд, встал с кресла и взял Минну за руку. – Она будет сегодня четвертой. А это Эдуард Сильверштейн и Иван Скекель.

Минна сразу поняла, что Зигмунд не озаботился заранее сообщить партнерам об ее участии в игре. Она спокойно приветствовала всех взглядом ореховых глаз и села на диван.

– Добрый вечер, господа!

– Очарован, – сказал доктор Сильверштейн, нарушив тишину. Потом он взял один из хрустальных графинов, налил в бокал вина и протянул его Минне.

– Вы так добры, – пробормотала она.

Кто такой Эдвард Сильверштейн, Минна знала хорошо. Марта упоминала его несколько раз. Он был в ее списке подходящих холостяков. Сын преуспевающего доктора, меценат, унаследовал семейную практику после того, как отец удалился от дел.

Минна полагала, что волосы у него несколько длиннее, чем требовала мода, но он был красивый человек с влажными карими глазами, исполненными житейской мудрости. И, несмотря на то, что Минна была ему приятна, он, как и Скекель, не понимал, почему Фрейд не позвал четвертым одного из коллег, как всегда бывало в подобных случаях.

Минна пригубила вино и удобнее устроилась на диване. Ей все еще было беспокойно. Ноги затекли и болели весь день, левый ботинок натер пятку. Когда она уходила, дети не спали, один из них что-то кричал, когда она спускалась к Фрейду.

– О чем ты задумалась, дорогая? – спросил Зигмунд, садясь рядом и чуть коснувшись ее плеча. – Сомнения одолевают?

– Ну что ты, – улыбнулась она, положив руку на подлокотник, покрытый кружевными салфетками Марты.

Они так и сидели рядышком, пока Скекель и Сильверштейн заканчивали беседу, стоя у камина. Они говорили о недавнем избрании отъявленного антисемита Карла Лугера мэром Вены.

– Ты ведь понимаешь, что это означает? – кипятился Скекель. – Земля горит под ногами либералов. Это теперь христианско-социальная партия, и им не терпится отобрать у нас права. Средневековье!

– Я бы придержал язык, старина, – заметил Сильверштейн, опустошая бокал. – Так ты можешь растерять пациентов, не говоря уже о связях в правительстве. Вы согласны, фройляйн Бернайс?

– Определенно, у императора не было выбора, – ответила Минна, приготовившись вступить в дискуссию о катастрофических последствиях поддержки Лугера императором, особенно для евреев.

– Наши мнения совпали, – улыбнулся Сильверштейн. – Честное слово, Зигмунд, красавица и умница живет в твоём доме. Что за сокровище...

– Начнем игру, – сказал Фрейд, неожиданно раздражившись.

Он распечатал колоду, стремительно перетасовал ее и взглянул на Минну – досадливо, как ей показалось, отчего она насторожилась. Потом Фрейд разбросал карты против часовой стрелки, по шестнадцать карт каждому игроку, и тщательно уложил шесть карт прикупа рубашкой кверху в центре стола.

Когда стали объявлять ставки, Минна оказалась в неудобном положении, пытаясь участвовать в беседе мужчин, перескакивающих с одной темы на другую, и одновременно сохранять непроницаемое выражение лица, чтобы не скомпрометировать свое мастерство игрока.

– Я отказался от подписки на «Либр», – сообщил Скекель, имея в виду газету «Либр пароль», орудие политики Лугера. – Я не в силах больше выносить этот бред.

– Я читаю только «Ное», – сказала Минна, стараясь думать об игре: «Скидывай в масть».

– У меня есть племянник, – продолжил он, понижая голос, – который сменил еврейское имя на христианское... и стал «художником». Убил мать.

«Не можешь скидывать в масть, отвечай козырем».

– Он может ходить к вечерне хоть двадцать раз на дню, но люди все равно видят в нем еврея.

«Козыри не вышли, значит, я могу зайти с любой карты».

Разговор тек своим чередом, Минна придерживала козырь – тарок, пока его не выкинет кто-нибудь другой. Упаси бог просчитаться в комбинации или не побить карту противника. В какой-то момент она подумала, что ей надо бы играть «болвана». Но тот никогда не возьмет взятку.

Наконец Сильверштейн поднялся, чтобы наполнить бокалы.

– Еще вина, дорогая? – спросил он.

– Не откажусь, благодарю.

Сильверштейн подошел к ней с графином и стал наполнять ей бокал.

– Ну-с, когда у вас выходной, Минна? – спросил он. – Они вообще вас отпускают?

– Минна не прислуга, – заметил Фрейд, глядя на него, – она моя свояченица.

– Не заводись, Зигмунд!

Воцарилось неловкое молчание, и Сильверштейн мудро решил сменить тему:

– Я полагаю, вы читали об Оскаре Уайльде?

– Это невозможно пропустить, все газеты писали, – ответил Фрейд.

– Ему следовало бежать во Францию, но мать посоветовала остаться и «сражаться, как подобает мужчине».

– Вот что случается, если слушаешься маму, – усмехнулся Фрейд.

– Он должен винить только себя, его поведение было безрассудно и нескромно, – добавил Скекель.

– А пьеса «Как важно быть серьезным» произвела в Америке фурор, – произнесла Минна.

– Что ж, теперь ему конец... два года принудительных работ за непристойность и содомию, – добавил Фрейд.

– Господа, это не совсем уместная тема, – промолвил Скекель, кивнув в сторону Минны.

– Меня совершенно не смущает обсуждение Уайльда, – сказала она, отмахиваясь от мужской снисходительной (в лучшем случае) заботы. – Не подай он в суд на маркиза Куинсберри за клевету, так и не попал бы в переделку. Судебное преследование на вершине успеха. Какая трагедия! И непристойные детали жизни бедняги во всех газетах.

– Браво! – воскликнул Сильверштейн, ухмыльнувшись.

– Моя дорогая, вероятно, вы не понимаете... – терпеливо объяснял Скекель, – Мистер Уайльд наслаждался компанией молодых... мужчин. Имели место го-мо-сексуальные акты, – сказал он, медленно произнося каждый слог, будто она была полной идиоткой.

– Мне известно значение слова «гомосексуальный», доктор Скекель. Причем, говорят, что гомосексуализм – просто болезнь возраста. Я слышала, мальчики в университетах постоянно экспериментируют с этим.

– Ну, знаете ли, я учился в университете, мы экспериментировали со многим, но не с этим. Может, в медицинской школе... – сказал Сильверштейн.

– В данном вопросе люди совершенно невежественны, – заметил Фрейд, не обращая внимания на попытку Сильверштейна свести разговор к шутке. – Мои исследования показали, что гомоэротические тенденции начинаются с примитивной оральной стадии, за ней следует анальная и только потом фаллическая.

– Все это очень познавательно, но вряд ли поможет бедному мистеру Уайльду в суде, – вздохнула Минна.

– А если я докажу, что у каждого есть подобные тенденции? – спросил Фрейд, глядя на Сильверштейна.

– Зигмунд, – сказал Скекель, – неуместно дискутировать на такие темы в смешанной компании.

– Чепуха! Минну это не смущает. Правда?

– Верно.

– Вот видишь?

– Еще вина, дорогуша? – предложил Сильверштейн.

– Спасибо.

Игра и беседа продолжались до поздней ночи, причем Скекель откупоривал бутылку за бутылкой. В конце концов Минна потеряла счет опустошенным ею бокалам и с усмешкой наблюдала, как Скекель завел нетрезвый разговор о мировых проблемах.

– Все катится к чертям... Каждый день в городе демонстрация, люди выкрикивают антисемитские лозунги... а монархия... неэффективна. Сможет ли армия с ними справиться? Вот я недавно читал, что мы «полигон для уничтожения»...

– Не верь всему, что пишут, мой друг, – сказал Сильверштейн и взглянул на Минну с улыбкой, откровенно заигрывая, – все не так ужасно.

– Нет, ужасно. Даже число самоубийств возросло.

– Просто парочка аристократов развлекалась, прыгая с моста.

Минна засмеялась, а Сильверштейн встал, сжал ей плечо, приблизился к роялю и принялся барабанить – фальшиво, но с большим энтузиазмом «Прекрасную мельничиху» Шуберта.

– Господа, уже поздно, – сказал Фрейд, морщась всякий раз, когда тот брал не ту ноту.

Скекель долил последний бокал вина и принялся медленно опускать крышку рояля прямо на пальцы Сильверштейна.

– Пошли, Эдвард, я поймаю экипаж!

Когда Сильверштейн вставал, его слегка покачивало.

– Разрешите позвонить вам? – спросил он, целуя руку Минне. – Приятно встретить женщину, обладающую столь обширными знаниями жизни. – И великолепную, – добавил он.

– Вы так добры, – откликнулась она ни к чему не обязывающим тоном, когда Фрейд уже выводил мужчин из кабинета в переднюю. До нее донеслись обрывки спора на лестнице и невнятная реплика Эдварда:

– Значит, она – запретный плод?

– Ты пьян, Эдвард. Иди домой.

Фрейд захлопнул дверь и взобрался по ступенькам в гостиную.

– Я бы на твоём месте не обнадеживал Эдварда, – заявил он и, отшвырнув подушку, уселся на диван.

Зигмунд молчал, пока Минна собирала грязную посуду, а потом пошел за ней в кухню.

– Я его не обнадеживала.

– Он мог решить, что обнадеживаешь.

– Ты меня спрашиваешь или сам мне отвечаешь?

– И то, и другое. Я его хорошо знаю. Эдвард хороший товарищ, но дамский угодник.

– Думаю, что маме бы он понравился, – улынулась Минна, – хороший еврейский доктор.

– Ага, но я ей не нравлюсь. И он не умеет мариновать окорок.

– Зигмунд, я не нахожу его особо привлекательным.

– А кого ты находишь привлекательным?

– Сложный вопрос, Марта задает его мне много лет подряд.

Волна усталости накрыла ее, и она замолчала, вытирая последний бокал.

– Да брось ты это. Иди сюда, дорогая, – сказал он, похлопав ладонью по месту рядом с собой на диване.

Минна села, наслаждаясь теплом тлеющих поленьев и потягивая вино из последнего бокала.

– Устал? – спросила она.

– Измотан. Один из пациентов плохо поддается лечению, а еще одна больная сообщила, что больше не придет. Видите ли, беседы со мной слишком огорчительны для нее.

– Почему?

– Некоторые извращения слишком далеко зашли. А причины их – и более того. Если я расскажу, ты упадешь в обморок.

– Ты плохо меня знаешь!

Фрейд смотрел, как она подносит бокал к губам и пробует вино языком, а потом произнес:

– У меня есть пациент – русский аристократ по имени Сергей. У него депрессия, суицидальные наклонности, ипохондрия. Исполнен навязчивых идей, не способен к действию. Мучается от повторяющихся ночных кошмаров: стая злобных волков, которая бродит под его окном и собирается напасть.

– Странно. А он когда-либо встречался с волками?

– Вряд ли. К тому же он художник и нарисовал волков – дыбом шерсть, пасти окровавлены. Источники этих компульсий множественны и смешанны, но мы достигли огромного прогресса в обнаружении детского невроза. Только на прошлой неделе к концу сеанса больной рассказал свои самые ранние сексуальные воспоминания, и оказалось, что он пережил... досексуальный сексуальный шок. Признался, что, будучи ребенком, видел, как его родители занимаются сексом а tergo.

– «А tergo»? – переспросила Минна.

– Как тебе сказать. То есть – сзади.

Минна отказывалась ужасаться. Она как будто слушала сказки о сверхъестественном, приправленные инцестом, мастурбацией, содомией и тому подобным. Фрейд не смягчал деталей, потому что забавлялся с ней, думала Минна и пыталась сохранять невозмутимое лицо, создать впечатление, будто ее интерес – чисто научного свойства.

– Он видел их гениталии во всех подробностях. Я уверен, что вот такое разоблачение родителей во время акта любви воздействовало на его сексуальные аппетиты и сделало ненасытным в эротических потребностях.

– Например?

– Он одержим навязчивой страстью к женщинам с большими ягодицами – преимущественно проституткам и служанкам. Рассказывал, что стоит ему увидеть вставшую на колени поломойку, как он тут же возбуждается. Видение приподнятого женского зада одолевает его, и он может думать только о том, чтобы немедленно овладеть ею.

– И овладевает?

– Нет, насколько мне известно... но унижение и издевательство, похоже, усиливают его желание. Мир полон людей, чего только не желающих, – фетишистов, любителей порки, садизма и даже рабства.

– Почему кто-то должен потакать подобному?

Фрейд придвинулся к Минне, его лицо было совсем близко.

– Существует множество разнообразных эротических предпочтений, дорогая. Например, если бы я обвил твои руки и ноги шелковыми ленточками и, привязав их к столбикам кровати, медленно занялся с тобой любовью, а ты лежала бы, нагая и обездвиженная, отданная на поживу своим самым темным плотским желанием... Даже ты, наверное, согласилась бы, что это эротично.

«Конечно же, он играет со мной, – думала Минна, зардевшись. – Это сводит с ума». Но ее не отпускало странное, всепоглощающее, мучительное желание слушать Зигмунда снова и снова. Животная сторона его интеллекта всегда восхищала ее. Она вытаскивала из кармана сигарету.

– Ты не мог бы прикурить ее для меня?

Он чиркнул спичкой и поднес ее к сигарете, созерцая, как Минна затягивается, делая глубокий вдох. Она выдохнула тонкую струйку дыма и попыталась возобновить общение «как коллега с коллегой».

– А другие твои пациенты?

– Есть одна женщина, Дора, – продолжил Фрейд, бросив спичку в камин. – Она пришла ко мне с жалобами на многочисленные симптомы: обморочные приступы и суицидальная депрессия. После множества сеансов мне открылось, что в четырнадцатилетнем возрасте она часто нянчила детей друзей семьи. Назовем их «семейство К.». Мы все знакомы с ними. Но она никогда не признавалась родителям, что хозяин годами домогался ее. А когда она наконец рассказала, родители обвинили ее в том, что она все выдумала.

– Бедняжка!

– Да. Она поведала мне все. Хозяин просил ее сесть к нему на колени, просовывал руку девочке под юбку и вводил пальцы ей в вагину, доводя до оргазма. Она чувствовала бедрами его напрягшийся пенис, он часто просил погладить его восставшую плоть. Проблема в том, что, хотя она горячо это отрицала, я считаю, что ей нравилось сексуальное возбуждение. Когда я сказал ей об этом, она в гневе выбежала вон из моего кабинета.

Фрейд смотрел на Минну и ждал ее реакции.

– Знаешь, – сказала она, расслабленно откинувшись на спинку дивана и пытаясь принимать его подробное описание как чисто профессиональную манеру изложения. – Я могу понять ее разочарование. Могу. Правда, Зигмунд, если бы какой-то взрослый мужчина делал такое со мной, а потом, годы спустя, другой взрослый мужчина сказал бы мне, что втайне мне это нравилось, я бы, наверное, тоже разгневалась и ушла.

– Надо говорить пациентам правду, иначе они никогда не исцелятся. Мужчины и женщины, которые не могут ни есть, ни спать, ни работать. Кто-то влюблен в мужа сестры, кто-то желает смерти своему новорожденному братику. Они одержимы запретным. Мы все больны. И нам необходимо говорить об этом.

– Может, это просто одна из форм исповеди?

– Называй, как тебе вздумается. Но в этом нет ни капли религиозности или морализаторства. Это скорее терпимость.

– То есть?

– Терпимость к самому себе.

– Не душа ли это продолжает сопротивляться? Кажется, философ Эмерсон так считал.

– Иногда даже американцы бывают проникательны.

Шторы были слегка приподняты, и поверх плеча Фрейда Минна заметила, что в доме напротив все окна темные. Интересно, который теперь час? Наверняка полночь. Утром она пожалеет об этом. Минна склонила голову на спинку стула и смотрела, как Зигмунд приблизился к камину и перемешал кочергой угли. Выпрямившись во весь рост, он обернулся к ней.

– Она еще вернется, – произнес он, самоуверенно улыбаясь, – я знаю, что прав.

Зигмунд потянулся за своим бокалом и случайно задел колено Манны. Или не случайно? Она ощутила тяжесть в животе, и это было недопустимо. И вино не помогало.

– Уже поздно, – сказала она, вставая.

Их глаза на мгновение встретились, и Минна подумала: когда же все изменилось между ней и Фрейдом? Приехав сюда, она надеялась, что отношения между ними останутся такими же, какими были всегда – непринужденными и интеллектуальными. Но, видимо, Фрейд, которого она знала, трансформировался в кого-то другого. Это было похоже на новое начало. Но это было не то, чего она хотела. Одна мысль вползла в ее сознание – сможет ли она так поступить со своей сестрой? А он? Неужели он сможет?

Глава 9

– Минночка, ты уже не спишь? Иди сюда, дорогая! Слышишь, Минна?

Она проснулась с гулким звоном в затылке и опухшими спекшимися губами. Над глазами сгустилась боль, и свет усиливал мучения. Минна перевернулась и резко села, от чего ей стало еще хуже.

– Я встала... Уже встала. Сейчас, только оденусь.

Она откинула простыню и босиком прошла по холодному и бугристому деревянному полу. Тонкие стрелы солнечного света проникали сквозь щели в закрытых ставнях, снизу доносились звуки улицы. Минна растворила окно, и порыв чистого и свежего воздуха ударил ей в лицо. Она вдохнула его всей грудью. «Боже мой, – думала Минна, – я уже много лет не вставала так поздно. Слишком много выпила». Она знала это еще до того, как легла спать. Вот в чем беда... они все слишком много выпили. Ей не следует больше так поступать.

Обычный дневной наряд Минны – накрахмаленная до хруста белая блузка и приталенная юбка, плавно облегающая бедра. Но сегодня она и думать не могла о том, чтобы застегнуть все эти пуговицы на блузке. Порывшись в шкафу, Минна выбрала простое синее платье из тонкой шерсти, с которым было куда меньше возни.

Хозяйская спальня находилась в соседней комнате, и прошлой ночью, раздеваясь перед тем как лечь, она слышала через стенку храпение Марты и уже почти сквозь сон смутно ощутила приглушенный звук тяжелых шагов по коридору.

Сестра сидела на кровати, обложившись рукоделием, тут же лежали два популярных журнала – «Парижская жизнь» и «Иллюстрированные новости». Половина кровати, где обычно спал Фрейд, была гладкой и холодной, словно на нее и не ложились. Закрытые ставни почти не пропускали солнечный свет. Едва Минна вошла в комнату, внизу громко хлопнула дверь. Зигмунд ушел. И в ту же минуту требовательный рев младенца огласил дом. Марта потянула за латунное кольцо на шнуре колокольчика, и в кухне раздался звонок. Через несколько минут на лестнице послышались шаги горничной Эдны.

– Что вам угодно, мадам? – спросила она, расправляя простыни и взбивая подушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.